

Эдуард Диа Диникин

МОСКОВСКИЙ ПСИХОПАТ

Эдуард Диа Диникин
Московский психопат

«Издательские решения»

Эдуард Диа Диникин

Московский психопат / Эдуард Диа Диникин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-908389-0

Хроника событий романа «Московский психопат» представлена в виде мозаичного повествования, состоящего из череды флэш-бэков, отражающих внутренний хаос главного героя. Подсознательный поиск ключевого момента распада с целью собрать мир воедино ведет его через цепь суровых испытаний, забавных приключений и мистических переживаний, сталкивая как со звездами столичной богемы и сильными мира сего, так и с маргиналами, живущими на дне социума...

ISBN 978-5-44-908389-0

© Эдуард Диа Диникин
© Издательские решения

Содержание

ПРОЛОГ К УБИЙСТВУ	6
РЕЗЫ И ЧЕРТИ	8
ПРИКАЗАНО ЖИТЬ ДОЛГО И СЧАСТЛИВО	12
РЕЗНЯ НА РУБЛЕВКЕ	14
РАЗГОВОРЫ В ПОЛЬЗУ МЕРТВЫХ	24
ТРИНАДЦАТЬ С ПОЛОВИНОЙ БЕСОВ И ОДИН ЧЕРТ	27
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Московский психопат

Эдуард Диа Диникин

© Эдуард Диа Диникин, 2018

ISBN 978-5-4490-8389-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Все события, происходящие в романе, имена, псевдонимы героев, а также псевдоним автора и название романа – вымышлены. Все совпадения случайны.

«Сотри случайные черты»...

А. Блок

«В Непале есть столица Катманду.

Случайное, являясь неизбежным,
приносит пользу всякому труду».

И. Бродский

«Черный человек!

Ты прескверный гость

Это слава давно

Про тебя разносится».

Я взбешен, разъярен,

И летит моя трость

Прямо к морде его,

В переносицу...

С. Есенин.

ПРОЛОГ К УБИЙСТВУ

1995 год, 25 октября, Челябинск

Данность для меня в этот вечер заключалась не только в анатомии окна, в которое я смотрел: стекло, расчлененное рамой, но и в сожалении, что я не рискнул пойти в баню вместе с тремя женщинами.

Строго говоря, двумя женщинами и девушкой. Алькой, Любой и дочерью Любы – Людой. Из них троих меня больше интересовала последняя. С Алькой я уже занимался сексом, с Любой не хотел, а Люда выглядела симпатично и сексуально.

К тому же, я случайно услышал, как Люба сказала: «мужа я всегда любила, да и люблю»

Мы находились в ее доме. Во дворе была баня, которую она растопила. Я хотел предложить им свои услуги банщика – похлестать веником, поддать пару, сделать массаж, но не рискнул. Если бы Люда не была дочерью Любы, то даже и не задумался бы о таком предложении. И сейчас я полулежал на диване – полупьяный и полурасстроенный. С другой стороны – еще относительно трезвый и почти довольный. Ведь мой стакан на столе в любой момент мог наполниться водкой хоть наполовину, хоть полностью, а Алька всегда была особенно горячей в состоянии подпития.

Люда ушла куда-то час назад. Иногда мы с Алькой тоже уходили – курить на улицу. Хозяйка дома не курила.

– Поэтому я и не пьянею так тяжело, как вы, – сказала она.

Но я думал, что причина была в ее габаритах. Поставь меня на одну чашу весов, а ее на другую, то я бы перетянул, но, возможно, только в том случае, если бы Фемиды слишком ко мне придралась. А вот к ней она была пока благосклонна. Как и ко многим в этом году.

Но, вообще, Люба была довольно хороша. Некоторые мужчины любят как раз женщин с размерами. Лицо Любы было привлекательным. Большие голубые глаза смотрели задорно и уверенно. Два раза за вечер она пела песню со словами: «А я сяду в кабриолет и уеду, куда-нибудь», после чего задумчиво смеялась.

Люба и Алька была бухгалтерами, и сейчас обсуждали уже не очередной вариант кражи денег с того кафе, где работали, а возможности это кафе присвоить себе.

Мне это было не интересно, и я лег на диван, чтобы посмотреть телевизор. Показывали передачу про «тусовку» в московском клубе. «Поехать, что ли, в Москву?», подумал я, «с другой стороны – приехал только три месяца назад оттуда».

Кроме того, были и другие мысли. Любовь – я услышал случайно – сказала задумчиво Альке полчаса назад: «Он подрастет и, видимо, я с ним спать буду». Я понял, что она говорит о своем сыне, которому было семь лет и которого дома не было, как и его отца, явно подкаблучника.

Как можно рассуждать о таком? У меня не совсем укладывалось это в голове. И особенно – как можно так откровенно говорить об этом? Да и, в конце концов, как можно говорить, что любишь мужа и не просто пьянки проводить, когда его дома нет, но и с сыном спать?! Что происходит с людьми в этот девяносто пятый год?

Меня вывел из раздумий звонкий голос Альки. Обдумывая свои «схемы» две коллеги, не забывали об алкоголе. У Альки голос всегда становился таким, когда она выпивала чуть больше, чем надо для ее чуть менее чем «вес пера» теле, чуть вздернутом носике, чуть вздорном характере и ничуть и никогда не исчезающим самомнении.

Я случайно узнал, что она совсем недавно познакомилась с каким-то «бандюганом». На мой вопрос – не любовники ли они теперь, она уверенно заявила: «не-е!»! Если бы она сказала: «Да, мы любовники!», то я бы еще сомневался, но после этого энергичного «не-е!» никаких сомнений у меня не было. Делить мне с «бандюганом» было нечего, а вот «делиться»

с ним Альку не хотелось – парадокс тут был поверхностный, как знания тюремного «пахана» в начертательной геометрии: на черта мне был нужен СПИД или гепатит, ведь «бандюган» колется сто пудов?

Были и другие опасения. Например, я знал, со слов Альки, что у него есть пистолет. Это, конечно, не было удивительным.

Удивительным было то, что я опять на все наплевал и связался с Алькой. Впрочем, как раз для меня это и было вполне себе обычным делом. Какая-то сила притягивала меня к Альке. Но не больше, чем на пару недель. Видимо, алкоголь и ее веселый нрав, а также не менее веселая промежность.

«Да и как он нас тут найдет?», подумал я о ее бандюгане и тут же осознал, что «бандюган» и Любу знает. И, возможно, знает, где она живет. Правда, он поехал в область за какой-то КРС, бандит этот. Я помнил, Алька говорила два часа назад об этом.

– Аля, а что такое, кстати, КРС? – спросил я свою подружку.

– А, это шкуры крупного рогатого скота, – пояснила она. – Из них куртки шьют и прочую фигню. Ты что лежишь там? Присоединяйся.

«Эх, ты бы лучше в бане это предложила сделать», подумал я и сказал:

– Сейчас, только, вот, тапки надену.

Алька стала разливать водку, Люба встала и повернулась спиной к столу, доставая что-то с подоконника.

В этот момент в дверном проеме появилась фигура коротко стриженного молодого мужчины в красном, почти алом пиджаке, и с пистолетом «макарова» в руке. У меня не было никакого сомнения, что это боевое оружие, а не газовый, например, пистолет.

Он посмотрел налево. Женщины его еще не увидели. Тогда он посмотрел на меня и произнес:

– Походу, я убью сегодня эту свинью.

РЕЗЫ И ЧЕРТИ

1982 год. 16 сентября. Челябинск.

А. 5. 25, подумал я, узнав из новостей, что правительство СССР в ответ, как было сказано, на разворачивание американской программы Стратегической Оборонной Инициативы, подтвердило свое решение разместить ракеты с ядерным оружием в Восточной Германии и Чехословакии.

Неужели и вправду будет война? Мне бы этого не хотелось. Мне было всего-то тринадцать, и я еще ни с кем толком не трахался, если не считать, конечно, детских игр в «доктора» и «маленьких обезьянок». Тогда мне было шесть, я был мудр и уверен в своем бессмертии. Становясь взрослее, люди заметно глупеют, ограничивая себя по половому, социальному, профессиональному и прочим третичным признакам. Потом, легко предсказуемые и уже высчитанные, они тупо исчезают. Иногда исчезают остро, но в чем разница между первым и вторым видом исчезновений, не говоря уже о самих терминах, странных и ни к чему не обязывающих, никому не известно.

Сегодня ночью мне снился замечательный сон. Смуглая девушка с остро торчащими сосками, очень похожая на модель из «Хастлера», который на неделю дал мне педант и скупердяй Вадик Резун, вначале лазила со мной по каким-то холмам и пляжам, а потом, пригласив к себе, стала снимать с меня одежду. Тут откуда-то появился Резун и увел девушку под самым носом у поллюции. При этом он приговаривал, что за дальнейшее я должен доплатить. И в срок. Я знал, что Вадик очень скрупулезен, даже чересчур. Если бы Резун был тимуровцем, то он бы, действительно, в годы фашистской оккупации продолжал рисовать звездочки на домах коммунистов и их родственников, но я все же не ожидал от него такой подлости.

Я заварил чай, сделал себе пару бутербродов с сыром и маслом – вот уже пару лет, после введения талонов, эти продукты можно было свободно купить в магазине – и кинул несколько маленьких кусочков сыра котам.

Масла было несколько килограммов. Я выкупил его на все талоны, которые получал на «Плодушке», в каком-то сером одноэтажном здании. До талонов люди занимали очередь за маслом и мясом с утра. Это производило плохое впечатление на граждан. Мне же еще не нравилось то, что показывали по телевидению. Слава богу, была музыка на магнитофонных пленках. Кроме зарубежных исполнителей стали появляться отечественные. Но это отдельная песня.

Люди должны были уже два года жить при коммунизме, это обещал Хрущев, но то, что окружало людей, мало напоминало коммунизм. Талоны же это как-то особенно подчеркивали. С другой стороны, теперь всем были гарантированы масло и колбаса. Это, конечно, не коммунизм, но и не килька в томатном соусе.

До Хрущева, в каком-то смысле, на трибуну ООН не ступала нога человека. До меня, в самом прямом смысле, никто в нашем доме не убивал свою прабабушку. Я был почти уверен в этом. Как и в том, что, когда ее хоронили, мы быстро проехали больницу, в которой она провела два дня, в течение которых у нее брали всяческие анализы, и которые ничего хорошего, кроме старости, не показали. Потом она два года лежала почти помидором, а потом я ее убил...

Но вначале мы вернулись домой. Она лежала на полу и не могла пошевелиться. Мама с папой переложили ее на кровать, вызвали «скорую». Минут через пять пришла бабушка – ее дочь. «Скорая» приехала через полчаса.

Прабабушку я называл старенькой бабушкой, чтобы не путать ее с «молодой». Старенькая бабушка всегда была очень жива и, несмотря на свои годы, выглядела замечательно. Поэтому все надеялись, что скоро она пойдет на поправку. Но этого не происходило. Я все не мог поверить, что она может умереть. Через год в это перестали верить почти все. Праба-

бушка лежала на кровати, ходила под себя не только днем, но и ночью, как лунатик, иногда смеялась и никого не узнавала. Мама и бабушка очень уставали убирать за ней, ходить на работу и заниматься мной. У меня как раз началось то, что принято называть «трудным возрастом».

Старенькая бабушка не приходила в себя. Лишь однажды, когда ее в первый и последний раз оставили со мной, я увидел на ее лице осмысленное выражение. Она подняла голову и, глядя прямо в мои зрачки, сказала: «Милый». «Да, бабушка, это я», с надеждой и страхом выкрикнул я. «Милый», выговорила она еще раз с усилием и оттолкнула меня. Потом ее голова упала на подушку. Мне показалось, что кто-то стоит за моей спиной. Я оглянулся, хотя и понимал, что никого там быть не может. Сглотнув, я подошел к окну и отдернул шторы. Потом опять задернул. Гнетущее чувство чего-то постороннего не отпускало меня. Я уже было собрался быстро выйти из комнаты, но увидел, что бабушка уткнулась лицом в подушку. Я хотел перевернуть ее. Но будто что-то остановило меня. Еще раз осмотрелся по сторонам. Включил свет. Выключил его. Стараясь не обращать больше внимания на свои страхи, стал переворачивать бабушкино тело. У меня не получалось. Казалось, что оно потяжелело килограмм на двадцать. С большим трудом я все же сделал это. Она открыла глаза. Какого ужасного чуда ждал я в тот момент? Я смотрел в ее такие чистые, как алмаз, глаза и видел в них разные мелочи, из которых складывается жизнь. Маленькие мелочи и великие мелочи. Возможно, я их отражал и, глядя в мои глаза, она увидела во мне свою жизнь, по крайней мере, часть ее. Возможно, она ничего не соображала и ничего не видела. Но в любом случае, ее зрачки резали меня действительно как алмазы. Почувствовав, что еще немного и мое тело распадется на мелкие части, я выбежал из комнаты. Меня мучил стыд. Мне казалось, что кроме всего прочего бабушка прекрасно видит меня, понимает меня и осуждает.

Тогда, в тот день, когда мы, вернувшись из гостей, увидели ее лежащей на полу и, переложив на кровать, вызвали скорую, я все время был в квартире. Врач, молодой высокий человек, поставил укол и быстро осмотрел бабушку. Я находился в тот момент в соседней комнате. Дверь была полуоткрыта, никто особенно не обращал на меня внимания. Поэтому мне было видно почти все. Наверное, бабушка, когда ее разбил паралич, упала, но врач подозревал и внутреннее кровотечение. Бабушку, словно молодуху, быстро раздели. Я заметил, что волосы на ее лобке были чисто русого цвета, и именно это поразило, а не то, что она неожиданно посмотрела на меня, в то время как никто меня не замечал, обеспокоено обступив ее, и, как мне показалось, неловко улыбнулась. Я рывком пересек комнату и сел рядом с окном, откуда не было видно ни меня, ни бабушки. Мне было стыдно.

Бабушка поседела, наверное, лет за двадцать до моего рождения. Я видел фотографии. Вообще, я представлял ее только лет с пятидесяти. В отличие от своих сестер, еще до войны перебравшихся в Ленинград, до которого от их деревни было километров сто, она почти всю жизнь прожила в деревнях да хуторах, где с фотостудиями, думаю, была напряженка.

Эти волосы на лобке произвели на меня очень странное впечатление. Ведь у меня не так давно тоже стали там расти волосы. Это меня радовало и немного пугало. С другой стороны, я был к этому равнодушен. Сидя у окна, пока врач быстро осматривал совершенно чужую ему старушку, я думал о том, что вот и у меня, скорее всего, будут такие же волосы. Будут скоро. И скоро будут женщины. Я именно так и подумал: «женщины». И еще подумал: «а могут и не быть». У меня были причины так думать, собственно, как и у всего моего поколения в том одна тысяча девятьсот восьмидесятом году.

Американцы, игнорируя мнение прогрессивной общественности и здравый смысл, размещали в Европе ракеты. Многие считали, что войны не избежать. То, что мы тоже неслабо долбанем Америку, немного успокаивало. Огорчало лишь то, что я мог не Успеть. Мог не успеть переспать с кем-нибудь и понять, что же это такое и с чем его едят. Детские шалости не в счет, о чем говорить!

Когда мы везли бабушку на кладбище, я тоже думал об этом. Кладбище находилось в двух километрах от завода, где изготовляли части для баллистических ракет, это и навело на размышление. Думал и о другом. Сухие бабушкины руки, цвета луковой шелухи, ее спокойное красивое лицо, простой деревянный гроб, за который осудили некоторые соседи, не знающие, что это всего лишь одна часть бабушкиного староверческого завета, которую удалось выполнить, вторую – безалкогольные поминки – выполнить не удалось, все это заставляло меня думать о жизни. Я думал – а не убьют ли меня в Афганистане, если я пойду в армию? Я думал – нет, не убьют, ведь к моему восемнадцатилетию все закончится. Я думал – надо перестать надевать, выходя на улицу, тренировочные штаны, а то уже пару раз, когда ехал в трамвае, пришлось пропустить свою остановку. Я думал – надо записать на катушки «Чингисхан» и «Оттаван», а если бабушку начнут целовать, то я спрячусь и целовать не буду.

Я думал – неужели это я ее убил, как сказала мама в тот день. Они приехали тогда поздно, гораздо позднее, чем обещали. Я уже посмотрел «Мелодии и ритмы зарубежной эстрады», больше ничего интересного не предвиделось, и я, взяв «Борьбу за огонь» Рони-старшего, углубился в чтение. Несмотря на увлекательнейший сюжет, меня сморил сон. Сон странный, дурацкий. Мне снилось, что я работаю на почте в Нью-Йорке, но почта не обычная, и даже не голубиная, а страусиная. Я привязывал письма к ногам страусов, а посылки навьючивал им на спины, потом отпускал. Дорогу страусы знали. Если кому-то надо было пересечь океан, к примеру, донести письмо во Францию, те шли или в аэропорт или в морской порт. Потом мне все время будто вспоминалось, что я видел во сне старенькую бабушку, но четко я не был в этом уверен.

Разбудили меня мама и бабушка, они приехали усталые после огородных работ. Но это не помешало им сразу же подойти к прабабушке и обнаружить, что та находится в полумертвом состоянии. Начались крики, упреки, вызовы «скорой», но «скорая» не помогла. Ночью старенькая бабушка скончалась. Она слишком долго пролежала лицом вниз. Я просто проспал тот момент, когда она опять перевернулась. Или не проспал, а все сделал специально? Что ж – не вам судить.

Наутро мама, с опухшим от слез лицом, бросила мне в лицо очень простую фразу: «Этот ты убил бабушку!».

Все это: и сон, и слова мамы, и слова прабабушки, эти ее: «милый, милый» – все это вспомнилось мне, когда мы проезжали мимо больницы. Особенно сон. Ведь я в нем полетал на страусе. Но не там, где бы хотелось – над нашей больницей. Она была построена сразу же после войны. Ее, как и большинство зданий вокруг, строили пленные немцы. Проектировал больницу немецкий архитектор. Уже после того как он и его соотечественники отправились на родину, какой-то летчик, совершая тренировочный полет, случайно посмотрел вниз и оторопел – внизу, на земле, он увидел огромную свастику! Немец так хитроумно замаскировал ее в чертежах проекта, что там ее просто не было видно. Но сверху все эти строения: больница, подсобные помещения, аллеи и прочее давали именно такой визуальный эффект. Мне всегда казалось, что эта история – вымысел.

Вечером я лег спать очень рано, не так, как обычно. Меня душили слезы. Только в этот момент я осознал, что старенькой бабушки больше нет и то, что это я виновник ее смерти. Ее, читающей в свои годы почти по складам, качающей осуждающе головой при виде артистов балета, который так часто показывали по телевидению и всегда доброй ко всем людям, больше нет. Меня душили слезы...

В конце концов, я все же уснул.

Утром я проснулся полным сил. Открыл ключом ящик письменного стола и достал оттуда порножурнал. Эти фото не казались мне похабными, напротив – они были чем-то жизнеутверждающим и консенсусным, в духе разрядки – ты мне, я тебе, что, глядя на фотографию, залистую солнечным светом, и чувствуя, как поднялся в трусах ствол, я попросил Господа, чтобы не было войны. Хотя бы пока я кого-нибудь не трахну.

И вот тут мне стало немного стыдно. Но не надолго, ведь вынырнув эмбрионом из мира души в мир материи, я, вместе с жизненными соками матери, а потом ее молоком, впитал в себя его духов и его буквы. И буквы его лишь иногда резы и черти, но чаще гласные и согласные.

ПРИКАЗАНО ЖИТЬ ДОЛГО И СЧАСТЛИВО

1991 год. 21 октября. Челябинск.

Похоронили деда в хороший день, если похороны в хороший день возможны. Двадцатого было пасмурно, дождь, прохладно, а двадцать первого – солнце, тепло, ни ветерка.

Рак диагностировали год назад. Последний месяц он лежал дома. А перед похоронами он дома не лежал, его тело находилось в морге, откуда его и привезли прямо к дому. У подъезда постояли не долго. Поехали на кладбище, где у мамы случился нервный срыв. Она так кричала, что люди у другой могилы оборачивались. Я стоял чуть в отдалении.

Поминки проходили в столовой в здании одного из общежитий завода, на котором дед работал вначале инженером, а уйдя на пенсию, слесарем. Помещение было большим, людей поместилось много. Где-то через полчаса поминок, коллега деда, мужчина за пятьдесят, общественник и, разумеется, коммунист, начал было говорить речь, начав ее со слова «товарищи», но какой-то молодой парень перебил его выкриком: «Хватит уже товарищей, закончилось старое время, молча помянем, без речей.». Я уже подумал, не устроит ли «прораб перестройки» драку на поминках, что, конечно, было бы прикольно, не будь это поминки моего деда. У меня непроизвольно сжались кулаки. Я сдержался. Общественник продолжил речь, но завершил ее довольно быстро.

Я вышел на улицу. Буквально через остановку в этот момент моя девушка занималась блудом. Так я думал, по крайней мере. Мы жили с Наташей почти год. В последнее время что-то пошло не так. Мы любили друг друга, но будто пелена покрыла наши глаза, наши дороги разошлись, мы стали блуждать непонятно где, а она еще и непонятно с кем. Я блуждал, понятно, с кем. Со своими тяжелыми, мрачными мыслями. Вот именно в этот месяц «сгорел» дед, которого я сильно любил.

Поминки продолжались довольно долго. Конец октября – время, когда день сокращается. Но все когда-нибудь заканчивается. И жизнь, и поминки. Я возвращался обратно к столовой, пройдя до этого к пляжу озера Смолино. Шел я по уже темной аллее. Я слышал вокруг голоса людей, но странным образом рядом никого не было. Солнце этого дня, проводив теплом и светом деда, покинуло Челябинск, оставив в сухом остатке приятную влажность воздуха. И странно было то, что никто не прогуливался под этими, то ли липами, то ли тополями, никто не сидел на скамейках. Пуста была аллея. И пусто было у меня на сердце.

Дома бабушка поставила большой фотопортрет деда на журнальный столик, стоявший у стены. Рядом с ним стояла свеча. Она горела в темноте, а я лежал на диване в той же темноте. Время было уже позднее, ночное. Возможно – 11 вечера, возможно – 1 ночи, но, вероятнее всего, время остановилось посередине.

Я вышел на лоджию, которую в шутку называл масонской – ее переделывал знакомый отца, каменщик по специальности. Теперь, остекленная, она была еще и разделена на две соединенных части. В одной стоял диван и комод, во второй консервированная еда, мешки с мукой, ящики с водкой и коробки с мылом – бабушка помнила тридцатые и сороковые, поэтому всегда делала запасы.

Я покурил на лоджии и вернулся в комнату, закрыв дверь на защелку, так как иначе она открывалась. Лег на диван.

Ощущение пустоты было настолько полным, что я сам себе казался придавленным надувным шариком, если такое может казаться. Еще мне показалось, что свеча, у фото с дедом, стала гореть чуть ярче. Ее пламя отражалось в стекле «стенки» и зеркале, которое было за стеклом.

– Дедушка, – сказал я, – если ты здесь, потуши свечу.

Свеча погасла в течение пару секунд.

Стараясь не удивиться, чтобы удивлением своим не спугнуть это проявление чуда, я зажег свечу. И опять лег на диван. В каком-то смысле, пусть я не понимал этого, для меня это было сродни лабораторному опыту. Поэтому я и вернулся на то место, где находился при констатации его успешного результата.

– Дедушка, погаси свечу еще раз, – попросил я.

Свеча погасла. Но в этот раз все произошло медленнее. Возможно, секунд за пять.

Я встал, проверил все окна и двери. Невозможно, чтобы сквозь них мог пробиться воздух.

Я опять зажег свечу и лег на диван.

– Дедушка, я попрошу в последний раз, затуши свечу.

Я смотрел на ее пламя, не отрываясь. Оно не менялось. Но только первые секунды. Потом, медленно, словно его кто-то выключал, стало гаснуть. Я никогда не видел до этого, чтобы огонь свечи может исчезать так постепенно.

Свеча погасла. Исчезли блики света в стекле «стенки» и зеркале за стеклом.

Я повернулся на правый бок и закрыл глаза. Впервые за эти дни пустоты и отчаяния я чувствовал себя умиротворенно.

Утром позвонила Наташа, и мы вновь стали жить вместе.

Вероятно, я не сделал правильных выводов из того, что произошло в ту ночь, так как через год мы, все же, расстались с ней.

Или та ночь сделала выбор за меня, за нее и за все то, что горело потом синим пламенем.

РЕЗНЯ НА РУБЛЕВКЕ

1997 год, 17 октября, Москва

Через два дня мне предстояло впервые в жизни сниматься в порнофильме. Небольшие деньги за небольшой сценарий я уже получил и даже потратил, теперь оставалось сыграть в фильме роль второго плана. Я чувствовал некоторое волнение и даже сомнение – а надо ли это мне?

Но до съемок оставалось два дня, а сегодня – семнадцатого декабря 1997 года в музее Маяковского на Лубянке состоится вечер философа-традиционалиста Александра Дерюгина, одного из основателей НБП – Народных Бригад Постмодерна. На вечере будет присутствовать и другой отец-основатель проекта – Эрнст Милонов.

Никаких афиш у музея Маяковского, извещающих о выступлении Дерюгина, не было. Несмотря на это, уже за час до начала лекции у дверей толпился народ. Человек двадцать. С некоторыми я обменялся рукопожатиями.

– Привет, Рома, – поздоровался я с руководителем группы «Накал факела». – Что, неужели тебя не пускают?

– Почему же? Я вышел покурить. Иди, тебя-то тоже пропустят свободно. Я, к тому же, почему здесь – не хочу, чтобы меня попросили что-нибудь сделать, будет неудобно отказываться.

– Тогда я тоже, пожалуй, покурю. А что сделать?

– Да что угодно. Мусор вынести, если есть. На сцене что-нибудь поставить, на входе постоять....

– Вход платный, конечно?

– Да, но своих так запускают. И специальных гостей. И прессу, конечно.

– Деньги на входе берут?

– Нет, как всегда – в холле. Там билеты продают. Все чин чинарем, как положено.

– А что за гости ожидаются?

– Черт его знает. Вить, кто должен быть, не знаешь? – обратился он к подошедшему парню.

– В смысле?

– Ну, из гостей?

– Не знаю.

– В общем, – сказал Рома, – всяких может подвалить немеренно. Дерюгин сейчас в ист-эблишмент рвется, так что состав может быть очень разнородным. От фашистских литераторов и художников, до либералов самого грязного пошиба. Летов может быть.

– Летов разве в Москве? – удивился я.

– Нет его в Москве. У него вообще запой, – сказал Витя. – Такой, в смысле, запой, – он щелкнул пальцем по горлу.

– Значит, я ошибся, – сказал Рома. – Милонов точно будет. Это понятно.

– А может, и не будет, – предположил я, продолжая абсурдистику, переходящую во фри-каделику.

– Может, и не будет, – согласился Роман.

– Лекция про что, вообще? – спросил я.

– Про Кали-югу, – сказал Витя....

На входе в помещение двое негостеприимного, спортивного вида ребят преградили мне дорогу. Я недоуменно посмотрел на них. Ни я, ни они не успели ничего сказать, как из глубины надвинулось что-то большое и пробасило:

– Здорово!

Казалось, стальные клещи сжали мою правую ладонь. Теперь дня два будет болеть, подумалось мне. Слава богу, что с завтрашнего дня я порно-звезда. В успехе своей кино-карьеры я не сомневался.

– Привет, – сказал я.

– На вечер пришел? – спросил меня Цемент, двухметровый культурист.

– Да.

– Друг, слышь, – почти умоляюще скривил свои лицевые, разработанные хуже всего, мышцы, Цемент. – Постой на входе, а? А то напряг вообще....

– А что делать-то надо?

– С шести до полседьмого запускать народ. Человек по десять, а потом по пять. Начало в семь будет, видимо.

– Не в полседьмого?

– Нет, наверное. Народу много будет, больше, чем рассчитывали.

– Понятно. А мне-то место останется?

– Специально для тебя оставлю, – неуклюже, но искренне улыбнулся Цемент.

– Ладно, постою, – внутренне чертыхаясь, согласился я.

– Хорошо, – обрадовался Цемент. – Вот познакомься, – он указал на ребят, тех самых, которые ранее преградили мне дорогу. – Коля и Толя. Они бы и сами без проблем справились, но они не всех знают.

Я разделся в гардеробе. Заглянул в зал. Он уже был достаточно полон. Да, это успех. Дерюгин явно на подъеме. Столько людей на лекции философа-традиционалиста. И ведь не презентация книги, наливать никто не будет.

Я вернулся к входу. Люди шли непрерывным потоком. В шесть появился Эрнст Милонов. Полседьмого мы окончательно перекрыли вход, сделав исключение для мужчины в большой песцовой шапке.

– Все-все, мужчина, – преградил ему путь Коля, – зал уже забит, люди в коридоре стоят, мест нет.

– Я... – удивленно начал тот, но Коля протестующе замотал головой, тем не менее, мужчина закончил, – я по приглашению.

– Мы уже и по приглашению не пускаем.

– Я Кондратенко, – заявил мужчина. И столько в его голосе было удивленного негодования, что Коля посмотрел на меня.

– Кондратенко? Проходите, – сказал я. Мужчина сделал шаг и тут я решил подстраховаться. Эта шапка меня сбивала. – А откуда вы?

– Откуда? – повторил за мной Коля, вновь преграждая дорогу мужчине.

– Из «Завтрашних дней», – с еще более удивленным негодованием сказал Кондратенко. Некий футуризм, прозвучавший в ответе, как нельзя подходил к музею Маяковского.

– Проходите.

Я знал, что у Дерюгина целая полоса в «Завтрашних днях».

– Там уже стол убрали, – сообщил, откуда-то возвратившийся Толя. В отличие от меня, Коля понял, о каком столе идет речь сразу. Он кивнул и приоткрыл входную дверь, за которой толпились неудачники, не успевшие вовремя купить билет на лекцию. Коля сообщил им, что пропустит еще десять человек – он посмотрел на Толю, тот кивнул и скрестил на груди руки, делая знак «все» – а также, что билет стоит двадцать пять тысяч рублей. Готовьте деньги без сдачи, добавил он. Через минуту у него в руках была пачка денег.

– Пить будешь? – поинтересовался Коля, пересчитывая деньги.

– Буду, – сказал я.

– Двести пятьдесят, – пересчитал он. – Что, будешь, говоришь? Пойдем тогда для начала за пивом сходим.

Мы пошли к киоскам, оставив Толю на дверях. Взяв вместо пива, нести которое нам показалось слишком громоздко, пару пузырей водки, и легкую закуску с запивкой, мы вернулись в музей, где нас ждал Толя. Рядом с ним стоял Трэш. О нем я почти ничего не знал, кроме того, что он время от времени пишет в журнал Паука Трубецкого «Железный угар».

– Будешь пить, Трэш? – спросил его Коля.

– Буду, – ответил тот.

Мы выпили, закусили, запили. Решили покурить. Во время курения возникло предложение поехать на Рублевку к Толе. Никто не отказался. Трэш лишь деланно смущенно заявил, что у него нет денег. У меня тоже с собой не оказалось, о чем я также заявил.

– Херня, деньги есть, – махнул рукой Коля.

Время от времени в фойе заходили из зала люди. Все жаловались на тесноту. Некоторым, знакомым, наливали. Толя сходил за третьей бутылкой. Появилась красавица Оля. Собственно, я во многом из-за нее появлялся в бункере НБП. Но никогда не делал попытки сблизиться с ней по-настоящему. Такое бывает.

В фойе находился человек семь, когда в оставленную кем-то открытой дверь вошел мужичок лет пятидесяти. Не говоря ни слова, он направился в сторону зала. Коля его остановил, сказав при этом, что мест уже нет. Мужчина начал препираться. Делал он это весьма нервно. И вдруг, сделал совсем неожиданное – ударил Колю в лицо. Тот опешил. Все оторопели. В том числе, и сам мужик.

– Блядь, что мне с ним сделать?! – еще не совсем придя в себя, воскликнул Коля и посмотрел на нас. Красавица Оля сидела рядом со мной, ее плечи и руки были обнажены. Толя встал. Трэш нахмурился. Коля схватил мужика за отворот куртки и потащил к выходу. На улице дважды ударил того по голове. Мужик упал лицом в снег, точнее – в его обычное московское подобие.

Коля вернулся. На его кулаке была кровь. Я так понял – мужика. Мы только выпили по одной, как мужик появился вновь. Но не один. Вместе с ним были два милиционера, за плечами у каждого было по автомату.

– Вот этот меня избил! – закричал мужик. – А это его сообщники, – показал он пальцем на всех нас.

Это вызвало у кого-то улыбки, у кого-то негодование. Так или иначе, но менты быстро разобрались, что к чему и ушли вместе с неадекватным мужиком.

Лекция закончилась и мы поехали к Толе на Рублевку. Я, Коля, Толя, Трэш и увязавшийся с нами искусствовед Хренов, тоже бывший на лекции. Метро было полупустым, несмотря на еще не позднее время. Через несколько остановок Коля понял, что искусствовед решил сесть на хвост. И довольно прозрачно намекнул, что его присутствие не желательно. Хренов сделал вид, что не понимает. Впрочем, он был уже пьян и мог действительно не понять. Разгоряченный событиями в фойе, и выпитой до этого водкой, Коля чуть было не избил искусствоведа прямо в вагоне, приговаривая при этом: «Ах ты, искусствовед Хренов!», но я спас искусствоведа, вытолкнув его на ближайшей остановке. Так что он отделался легко, может быть только синяком под глазом.

Дорога казалась долгой, и я начал рассказывать Трэшу сценарий порно-фильма, который сочинил.

– То есть, действие практически все время происходит в клинике пластической хирургии? – спросил он меня в финале моего рассказа.

– Практически так, – подтвердил я.

– Понятно, – кивнул он.

Наконец, мы приехали. По пути Коля и Толя приобрели водку, причем, уже явно плохого качества. Деньги, как я понял, подошли к концу.

– Ну, все, – выдохнул Толя, сев в кресло, – приехали. Может, Дерюгина включить?

- Да нет уж, – поднял я руки, – не надо. Включи музыку уж тогда лучше.
- «Лайбах», – сказал Толя, поднимаясь.

Мы стали нагружаться водкой под «Лайбах». Вскоре Трэш попросил поставить «Кэннибал корпс», что меня уже просто огорчило. Музыкальный кружок какой-то. Но у Толи «каннибалов» не оказалось, слава богу.

– Есть Дерюгин, – сказал он.

– Что тебя на Дерюгине так заклинило? – рассмеялся я, не представляя, как можно пить под лекции.

Толя невидяще посмотрел на меня и поставил кассету с философом. В принципе, через десять секунд никто Дерюгина уже не слушал. Я уже давно заметил, что Коля, разливая водку, себе наливает в два раза меньше, под Дерюгина он стал нагло лить себе только треть. Также я обратил внимание на то, что он внимательно прислушивается к тому, что говорят другие. Другими были двое: я и Трэш. Уж не стукач ли, подумалось мне. Хотя, какой ему прок от меня? Никакого. Вряд ли. Я отбросил эту мысль.

Дерюгин что-то проорал насчет какого-то Мойдодыра, употребляя французские имена и названия, и тут кассета закончилась. Надо сказать, что все стали говорить громче, нежели до этого. Толя стал красным и каким-то мрачноватым. Коля начал рассказывать какую-то пошлую, в смысле – глупую, историю о какой-то глупой, в смысле – малолетней, целке. Я неудачно его перебил каким-то восклицанием с переходом на подобную пошлую тему. Потом пошел в туалет, так толком и не рассказав свою историю, и не дав толком ему рассказать свою. Впрочем, его была явно дурацкая. Я вернулся, когда Коля рассказывал что-то на военно-бойцовскую тему из разряда: «не буду, конечно, хвастаться, но я реально крут».

– Вы-то с оружием, понятно, не знакомы, – заметил он, имея в виду меня и Трэша, и собрался продолжать свой рассказ, но я его перебил, немного оскорбленный:

– С какого перепугу? У меня в армии и АКС был, и ПМ был. У меня даже противогаз был, – сказал я, пытаюсь пошутить, но, вероятно, прозвучало это не как шутка.

Какая-то тень пробежала по лицу Коли.

– У меня в военном билете все это записано. Он у меня в куртке, – не успокоился я.

– Покажи, – с чуть заметным раздражением произнес Коля.

Я с готовностью поднялся, пошел в коридор. Военного билета в куртке не оказалось.

– Дома оставил, значит, – сказал я, вернувшись.

– Андрей, Андрей, – задумчиво произнес Толя, – а это не тот самый, что нам товар привозил?

– Не знаю, – резко ответил Коля и зло взглянул на своего друга. – Говоришь, ПМ у тебя был в армии? – обратился он ко мне.

– Конечно.

– Стрелял из него?

Меня разозлил этот вопрос.

– Нет, нахуй, гвозди им забивал. Конечно, стрелял.

– Покажи, как ты это делал, – предложил Коля.

Меня уже начала смешить вся эта «канитель». Я взял в руки воображаемый пистолет, снял его с воображаемого предохранителя, направил воображаемый ствол в голову Коли и нажал на воображаемый спусковой крючок.

– Бах, – как можно вежливее произнес я.

– А разбирать пистолет ты умеешь? – опять, как мне показалось насмешливо, прищурил глаза Коля. Вероятно, он решил, что я насмотрелся кино. Там часто стреляют из пистолета, но почти никогда его не разбирают.

– Ладно, ну его нахуй, эти разборки, – сказал я резко. – Я сейчас, – и направился на кухню. Что-то там мне понадобилось. Что, убей не соображу.

Вернувшись назад, я обнаружил Толю стоящим, а не сидящим, как раньше.

– Ты говоришь, в армии служил? Рукопашным боем занимался? – спросил меня Коля.

– Да, – ответил я, уже уставая от этой темы.

– Толя хочет с тобой поспарринговаться. . . .

Я улыбнулся. Еще в метро Коля предлагал мне поехать в бункер НБП специально тогда, когда он проводил там занятия по рукопашному бою. Я наотрез отказался. Делать мне нечего, потеть, прыгая там среди милоновской молодежи. Сейчас это предложение выглядело еще более смешным. Какой может быть спаринг в обычной комнате советского образца, уставленной, тем более, видео и аудиоаппаратурой? Никакой.

Я встал в шутливую, карикатурную стойку, сказал какое-то пьяное «ха!» и, на свое счастье, закрыл рот. На счастье потому что Толя в эту же секунду нанес мне сильный удар в скулу. Я не упал, но меня развернуло градусов на девяносто. Тут же Толя резко ударил меня ногой в колено. Ногу словно вывернуло. Боль пронзила ногу. Я рухнул на пол. Тут же Толя крепко схватил меня сзади за шею и стал душить. Я попытался вырваться, но не смог. Вспомнив, что это спаринг, постучал ладонью по полу. Не сразу, только после того, как это ему почти приказал Коля, Толя отпустил меня.

– Ничего себе спаринг, – проговорил я, с большим трудом поднявшись на ноги.

– Садись, давай, – сказал Коля, – выпей, пока есть еще.

Может быть, насмешка в его голосе мне послышалась. Но мне так не казалось. Я был здорово взбешен. Я сел на диван, слева от севшего туда же Толи. Коля сидел передо мной, за столом. Трэш оказался где-то справа, дальше всех. Коля налил рюмку водки, я взял ее и быстрым движением выплеснул содержимое ему в глаза. И сразу же ударил левой в подбородок Толе. Удар не получился. Толя ударился затылком о стену, но это не слишком его травмировало. Я навалился на него и стал душить. Практически тут же сильная боль пронзила меня в области низа спины. Это Коля ударил меня по печени. Потом по ушам. Взяв меня сзади за волосы, он отслоил меня от своего приятеля, уронив на пол. И ударил еще раз, в солнечное сплетение. Я успел подставить руку и этим уберечь себя от очень неприятного ощущения. Тут подключился Толя, ударивший меня пару раз в лицо. Но и на этот раз я успел прикрыться. Коля и Толя принялись наносить мне удары. Коля останавливал иногда своего дружбана, когда тот входил во вкус. Вероятно, я был очень пьян, так как не чувствовал боли. Неожиданно выпрямив в толчке ногу, я попал в ножку стола. Все полетело на пол. Каким-то чудом я перехватил ладонь Толи. Моя ладонь резко отвела его большой палец назад. Он вскрикнул. И пнул меня коленом. Переведя кисть в другое положение, он вырвал палец и ударил меня локтем. И хорошо попал. Кровь сразу же потекла в глаза.

– Держи его, – сказал Коля, – я принесу нож.

В тот момент, в запарке, я не обратил внимания на его слова. Он исчез, и я попытался опять ударить Толю. Работала только левая нога. Правая, по которой был нанесен удар в самом начале, функционировала не очень свободно.

– Тащи его в ту комнату, – приказал Коля. Толя ударил меня несколько раз.

– Эта сука «видак» сломала, кажется, – сказал он.

Они кинули меня на пол второй комнаты. Трэш тоже оказался там.

– Ладно, – сказал я, – признаю свою ошибку. С меня ящик водки и «видак».

Попытаться стоило. В их руках были ножи, кухонные, но от этого не менее опасные. Стоило попытаться. Конечно, никакого ящика и видеоманитофона они бы от меня не дождались, но. . . . Толя несколько раз по касательной полоснул ножом по моему лицу. Я опять почувствовал, как потекла кровь. Я не мог уклониться – Коля, сидя в кресле, прижал ногой мою ногу.

– Ну, что, нравится? – поинтересовался он. – Ничего, дальше будет интереснее, – с этими словами он чиркнул ножом мне по лбу.

Я понял – дело совсем швах. В запале они могли меня и убить. Это не входило в мои планы на сегодня. Они продолжили свое избиение. Я прикрывался, как мог. Коля изредка останавливал Толю. Единственное, что меня радовало – я мог запросто убить их. Официально, так сказать. Трэш, все же, мне казалось, будет давать показания в мою пользу. Хотя, черт его знает. Но убить я могу. Самооборона, буду говорить. Это здорово. Неплохая реклама. У меня уже почти был готов роман о русской деревне. Так, оставалось страниц двадцать, не больше. Писатель, замочивший двух охранников с вечера Александра Дерюгина – это было не так уж плохо. Два трупа – это замечательная реклама, видит бог! Тем более, раз еще не убили, значит, и не собираются. Только случайно могут. Я почувствовал симпатию к этим двум замечательным русским парням. Ведь они могут сделать меня самым модным писателем наступающего одна тысяча девятьсот девяносто восьмого года.

Все хорошо, но продолжался одна тысяча девятьсот седьмой. И в нем меня продолжали пиздить.

– Героин! – громко выкрикнул я.

– Что сказал, тварь!?! – вырвалось у Толи.

– Героин, – повторил я, – Я знаю... где лежит...

– Откуда ты знаешь? Что ты знаешь? – быстро переспросил меня Коля.

– Лежи, сука! – ударил меня Толя, когда я попытался приподняться.

– Я могу позвонить одной своей знакомой, – начал я, мешая правду с кривдой, – она торгует героином. Живет на первом этаже. Обычно одна дома. Решеток нет. Я могу договориться с ней о встрече. Она мне доверяет.

– Так, – заинтересовано протянул Коля, – продолжай.

Будет реклама, понял я. Самая, что ни на есть убойная реклама. Я начал рассказывать чуть подробнее. Через пять минут мне дали телефон.

– Что, никого нет дома? – насмешливо спросил Коля, когда я положил трубку обратно.

– Конечно, нет, и не будет, – ответил за меня Толя и ударил меня ногой.

– Пока нет, но скоро точно будет, – сказал я и немного передвинулся, не обращая внимания на кровь на полу.

– Что с ним теперь делать, а? – задумчиво произнес Коля. – Отпускать его точно нельзя теперь, он сразу в ментовку пойдет.

– Нет, не пойду, – сказал я, и тут же пожалел о своих словах. А вдруг поверят и отпустят? Тогда прощай реклама. Вот она, в двух шагах сидит. Глупо упускать такой шанс, что предоставила мне судьба. Делать эту рекламу надо сейчас, в состоянии аффекта, как бы...

– Ты обоссался, что ли? – со злобой, смешанной с то ли искренним, то ли деланным презрением бросил Толя, показав пальцем на жидкость рядом со мной.

– Нет, – зачем-то ответил я, хотя и так было понятно, что это не моча. Вопрос его мне не понравился. Моча для рекламы – не очень хорошая субстанция. Я еще чуть отодвинулся. Со стороны мои движения выглядели довольно естественно, я был в этом уверен. Дверь была уже полутора метрах от меня. Она была открыта, что облегчало мой план рекламной акции. Ближе ко мне находился Коля, он сидел в кресле прямо передо мной. Толя стоял около окна.

– Сколько сейчас органы стоят, не в курсе? – покуривая, оценивающе глядя на меня, спросил Коля.

– Можно узнать прямо сейчас, – скорее принимая правила игры, нежели серьезно, сказал Толя. Так я подумал в тот момент.

– Отпускать его никак нельзя, – опять задумчиво произнес его старший товарищ.

– Да давай его прирежем, разрубим в ванной, а утром отвезем и сбросим в завал. Хуй кто его там найдет, – Толя выглядел серьезным, когда произнес это возмутительное, как ни посмотри, предложение.

– Зачем добру пропадать? Что, просто убить, без всякого смысла? Я вот хочу его на органы пустить. У тебя все с органами нормально?

– Конечно, – сказал я, расположившись к атаке как нельзя лучше.

Коля дотронулся пальцем до наиболее свежего моего шрама. Попробовал кровь на вкус.

– Сперму не хочешь попробовать? – дико сильно хотелось мне ему сказать, но я сдержался, хитроумно избежав этим диких побоев.

– Хорошая кровь, – сказал он, облизываясь. – Первая?

Я кивнул. На самом деле у меня вторая положительная. Этот дешевый понт вызывал у меня омерзение. Но вот именно такие понтяры способны на всякое дерьмо.

– Пусть опять звонит, – сказал Толя. – Хуй ли он прохлаждается? Закайфовал тут, сука.

Все уже было продумано. Указательный палец моей правой руки бьет точно в центр левого глаза Коли, (левый глаз был ближе), у него болевой и психический шок, у всех остальных – просто психический. Далее – забыть, что колено не в порядке и бегом на кухню. Там ножи, вилки, соль, перец, окно, которое можно разбить – типа вариант «спасите, убивают». Этим я как бы подчеркиваю – я просто спасаю свою жизнь. И пока они не пришли в себя – убивать. Колю сразу же ножом по горлу, Толю не сразу – сразу не получится, к сожалению. Вначале бросить в него нож или вилку, или горсть перца, а потом действовать вторым ножом.

Я быстро нанес удар пальцем в глаз Коли, но в яблочко, к сожалению, не попал. Он успел – как, не знаю – подставить ладонь. Тем не менее, палец угодил в глазную впадину, это точно. Мне некогда было разбираться, насколько эффективно. Ясно, что не так, как я хотел в идеале – чтобы палец попал в мозг. Я вскочил, и не обращая внимания на колено, побежал, а точнее – попрыгал на кухню. Коля, зажимая одной рукой глаз, второй попытался меня поймать. У него не получилось. Открыв рывком кухонный шкаф, я схватил два ножа. Отлично. Такие не подведут. Я заковылял обратно. У двери в комнату стоял Трэш, мой свидетель защиты. Его лицо выражало полное смятение и даже панику. Было понятно, что ситуация разворачивалась не так, как он ожидал. Вероятно, Коля предупредил его, что они не собираются меня убивать, а так, только посмеются. Порежут немного, побьют и тому подобное. Трэш остался за моей спиной. Он будет моим свидетелем защиты. Но, повернувшись к нему спиной и не удержавшись, что не крикнуть: «Ну, все, пиздец вам пришел, сынки», изображая состояние аффекта, я понял, что хуевый у меня свидетель. Трэш схватил меня сзади. Он был достаточно крепким парнем и вырваться из его цепких объятий я смог только приставив к его глазу лезвие ножа.

– Отпусти, сука!

Он тут же отлетел от меня в угол коридора. Поверил.

– Стой! – бросился ко мне Коля. Ножа в его руке не было. – Все! Давай закончим эту хуйню. Ты – мужик. Все, мы неправы, забудем.

Вот что мне было делать? Оставаться, как дураку, без рекламы? После всего того, что было? Еще неизвестно насколько сильно у меня изрезано лицо. Шрамы, конечно, украшают мужчин, только нахер мне нужны такие художественные украшения. Я не Михаил Шемякин. Доли секунд быстро уходили. Доли-дили. Клоунада. Реприза «Порезали и хватит». Что, они безнаказанными останутся?

Я ударил ножом в ногу Коле. Толя рванулся было другу на помощь. Глаза у него были полны дьявольской злобой. Будет реклама, решил я, но тут Коля, преодолевая боль, закричал:

– Стой, Толя!

Я подумал несколько долей и решил – ладно, хватит. На Трэша нет надежды. Когда приедут сюда в квартиру его тезки в форме, и увидят два трупа – Колю и Толю, он, чего доброго, скажет что-нибудь не то...

Мы с Колей умылись. Раны на лице были не такими уж и страшными. Губа, правда, походила на гармошку. На всякий случай я сломал в ванной одну из зубных щеток и положил острый обломок в карман. Мало ли. Потом мы сидели с ним на кухне, где Коля сказал: «Ты же

понимал, что мы не собираемся тебя убивать». Вскоре он обнаружил, что кровотечение у него не прекращается. Когда из раны полезло мясо, он решил вызывать «скорую». Я видел, что ему действительно не хорошо. Лицо стало бледным, почти белым. Я сказал, что мы должны придумать историю, так как «скорая» приедет с «ментами». Почему, спросил он. Потому что у тебя сильное кровотечение и чтобы «скорая» приехала вовремя тебе придется сказать по телефону, что у тебя ножевое ранение, сказал я, уже прикидывая текст.

Так и получилось. Приехала «скорая». Вначале в квартиру вошли два милиционера с автоматами. Говорил только я. Все остальные поддакивали. Все остальные – это Трэш и Толя. Они уже знали вариант истории. Колю сразу же увезли в больницу. Нас чуть позже увезли в «ментовку». Коля провел в больнице две с половиной недели. К его выходу из нее статья была не только готова, но и уже напечатана в «Милонов&К». Выглядела она примерно так:

Резня на Рублевке

17 декабря произошли два события, так или иначе связанные с российским народно-бригадным постмодернистским проектом.

Первое, связанное с ним напрямую, известно всем, кто читает нашу газету, или же случайно оказавшись на Лубянке неподалеку от музея Маяковского, не удержал в себе здорового любопытства и подошел к длинной очереди желающих попасть на лекцию философа-традиционалиста Александра Дерюгина. Таких было действительно много. Зал, рассчитанный на 150 человек, не вместил всех, несмотря на то, что многие сидели просто в проходах и даже стояли в фойе».

Далее некий Илья А. берет у меня интервью, где я рассказываю о втором событии.

«Что же случилось?», вопрошает у меня Илья А. И я рассказываю:

– Поножовщина. Маленькая элементарная резня.

– А поподробнее ты можешь рассказать?

– Давай, но только последний раз. Мы с Колей уже столько ее рассказывали за последние дни, что по нашим воспоминаниям можно боевичок снять. Категории «б».

– Ты имеешь в виду Николая Бажова?

– Да, его.

– Короче, не тяни резину. С чего все началось?

– С того, что я поехал в бункер, мне надо было кое с кем встретиться. Но там никого не оказалось. Тогда я поехал туда, куда и так собирался – на лекцию Александра Вселеновича Дерюгина. Весь прикол в том, что на нее я тоже не попал.

– ???

– Понимаешь, я стоял на входе, помогая проверять билеты, хотя, конечно, особой нужды в моей помощи не было. Потом, спустившись в зал, увидел, что он уже настолько заполнен, что еще одна человеко-единица в моем лице может стоять какому-нибудь сердечнику, сидящему в душном зале, одного койко-места.

– За людей сердце болело, короче....

– Можно и так сказать. После лекции мы поехали с Николаем на Рублевку, вместе с Михаилом Тренивым и Анатолием Лукашенко, в гости к последнему. Мне как раз надо было зайти утром в издательство, находящееся неподалеку. Михаилу и Толе надо было вставать рано утром, поэтому они легли спать почти сразу же по приезду.

Мы же с Николаем решили для сакрализации бытия взять фольклорный напиток и вышли на улицу до ближайшего киоска. Уже возвращаясь, я заметил, что рядом с домом, из которого мы выходили, стоят пять человек. То есть, вначале я не понял, что пять, это уж потом мне Николай сказал, у него, видимо, нервы крепче оказались. Трое были в «пилотах», все в черных вязанных шапочках. Они дождались, когда мы поравнялись с ними и подошли к нам. Сразу было понятно, что с не очень добрыми намерениями. Начало было омерзительно

традиционным, они попросили сигарету. Это было ошибкой, как и то, что один из них поинтересовался, как нам понравилась лекция, потому что этих двух-трех секунд хватило на то, чтобы... ну, не знаю... отринуть последние сомнения, что ли, сгруппироваться морально. Да и физически. В первую очередь это относится к Николаю, потому что налетели все они на него, меня оставили в одиночестве, точнее, со мной остался стоять один, но он, скорее, следил, чтобы я не побежал. Я думаю, что это был обычный трюк, всегда удобнее бить по одиночке, даже когда нападающих намного больше. Правда, все пошло не по сценарию. Коля вывел из строя двух нападавших, одного ударом в лицо, другого – в живот ногой. И остался, таким образом, один на двоих. Тот, кто стоял рядом со мной, растерялся. Он «дернулся» было к своим, но потом остановился... Повернулся ко мне. Тут я ударил его, но слишком уж по-пижонски. Захотелось мне достать его ногой, тем более, что он был такого... среднего роста. А сколько...

Попал я не туда, куда хотел. Вместо головы в плечо, еще сумка на моем плече. Мешалась... Мне бы бросить ее, но как-то не сообразил вовремя. Все происходило очень быстро, секунд десять максимум. Коля молодец. Конечно. В принципе, он не Карелин, не Тактаров по комплекции, пусть и рукопашник, но не былинный же герой, чтобы четверых отметелить, тоже не чахликов? А все было именно так. У меня не было времени наблюдать за ним, у меня самого был локальный конфликт. Тем более, что принял этот конфликт очень опасный оборот. Мой противник вытащил нож. Но то, что двое оставшихся не могут справиться с Колей, я видел.

– Что насчет ножа?

– Самое интересное, что нож был самым обычным, кухонным.

– А ты ожидал увидеть ятаган?

– Нет, конечно. Честно говоря. Я вообще не ожидал увидеть ничего подобного, ничего колюще-режущего. Я вижу – что-то летит мне в лицо. Отпрыгиваю и чувствую, что у меня разрезана губа. Как-то странно у меня сработала психика, я стал ловить этого козла на прием. Понимаешь, во взводе, в котором я служил в армии, большое внимание уделялось рукопашному бою. У нас был очень хороший инструктор, но однажды его перевели в другую часть и на все лето мы остались без хорошего инструктора. Как раз начался демократический бордель, гниение, энтропия вооруженных сил. И все лето мы отрабатывали номер – разучивали один и тот же прием. Защита от удара ножом сверху. Вместо ножа использовались ножны от штык-ножа. Так вот, меня немного «клинануло» и я все время пытался именно таким образом выбить нож из рук того парня. Это, конечно, было глупо, хотя бы просто потому, что он не был идиотом и держал его, как положено в таких ситуациях. Пытаясь выбить нож, я добился только того, что он еще раз успел полоснуть меня по лицу и исполосовал всю мою левую руку. Но все же, мне удалось просто схватить его за кисть. Потом пнул его в живот. Это оказалось очень эффективным. Нож я вырвал.

Вот тут-то и началось самое интересное. Сам понимаешь, я особо добрых чувств к юноше не испытывал. Поэтому решил его просто валить, ведь с моей стороны это была самооборона. Он понял это. Мне кажется, точнее, я уверен, что он хотел меня больше напугать, чем действительно прирезать, а я совсем наоборот – пугать его не хотел. Короче говоря, куртку я ему изрезал очень хорошо. Он попытался вырвать нож, но был настолько деморализован, что просто схватился за лезвие. Я вытащил его из ладони парня. У него вся рука в крови. Он к своим. Я вижу – Николай ногу подволакивает. Потом выяснилось, что его тоже ножом ударили, в артерию попали. И тут вся пятерка, что-то выкрикивая, быстро ретировалась. Я в запарке чуть было не побежал за ними, хорошо, что Коля меня успел остановить.

– И что потом?

– Мы пришли домой, будить никого не стали, решили выпить, сам понимаешь, повод был. Николай перевязал ногу, мы было решили, что все нормально, но оказалось – нет. У него открылось такое сильное кровотечение, что стало понятно – надо вызывать «скорую». «Ско-

рая» приехала вместе с милицией, конечно. Пришлось давать объяснения. А что мы могли сказать? Рассказали, все как было. Подозрения... Я не знаю. Нам обоим показалось, что один из нападавших, спросил нас, как нам понравилась лекция. То есть, я хочу сказать, что не могло нам двоим одновременно показаться одно и то же. С другой стороны. Кому это было надо нападать на нас? На случайность не похоже, на запланированную акцию – да, но зачем? Кому это было нужно?

– Как твоя нога?

– Ничего. Я подвернул ее, когда бил первый раз. Вначале было терпимо, а потом не очень. По крайней мере, передвигаться без посторонней помощи я не мог целый день. Самое смешное, что если бы меня не отправили из отделения милиции в боткинскую больницу, то, вероятно, я чувствовал бы себя лучше. Просто выходя из нее, я поскользнулся и упал. Это был пиздец. После того падения я точно не смог идти сам. Спасибо Анатолию и Мише, довели меня. Жаль, конечно, что их не было на улице. Тогда той пятерке пришлось бы очень плохо. Да они бы и не напали, возможно. Хотя, кто знает? Может быть, они на четверых и рассчитывали.

– Все-таки, какой-нибудь вывод ты сделал из случившегося?

– Не верить в гороскопы. Случайно я прочитал в какой-то газете гороскоп на ту неделю. Она у меня просто чудесная и всю неделю, кстати, я в центре внимания.

– А разве не в центре внимания?

– Да! В гробу я видел такое внимание. Да, пожалуй, надо взять пример с Милонова и носить за голенищем сапога нож, как он когда-то. Правда, сапоги я не ношу. Но, судя по возрастающей криминализации общества и расширению НАТО на восток, скоро вся страна их наденет».

Несмотря на уговор не рассказывать то, что на самом деле происходило в квартире, Толя «раскололся» сразу же и, приехав в бункер в тот же день, когда произошел этот инцидент, выложил свою версию того, что было. Я не знал, что он там говорил, но был уверен, меня он выставил в не самом хорошем свете. Месяца через три правая рука Эрнста Милонова Константин Локтионов немного выпивал в бункере с какими-то нарбригами. Налив двум своим приятелям, он сказал мне: «Говорят, ты очень буйный пьяный, поэтому тебе не наливаю». Мне это показалось очень оскорбительным, но я лишь пожал плечами и сказал: «А я с вами и не собирался пить». Локтионов вскоре умер от сердечного приступа. Для России в последнее десятилетие смерть молодых и крепких ребят от сердечного приступа вполне обычное явление. Впрочем, как и в пьяной драке.

В порно я так и не снялся, хотя многие мои знакомые постоянно находили «меня» в порножурналах.

РАЗГОВОРЫ В ПОЛЬЗУ МЕРТВЫХ

Челябинск. 12 июля. 2004.

Я лежал на кровати и смотрел плазменный телевизор. Качество приятно удивляло. Прогресс.

Вот уже второй день я находился в гостях у своего старого приятеля. Знал я его с девяносто третьего года. Уже отстрелялись танки по парламенту в Белом Доме, я уже съездил «на юг» (поездка была недолгой, но запоминающейся), окончил первый курс университета и устроился на работу на телевидение, пройдя конкурс в четыреста человек.

Я уже год как расстался с девушкой Наташей, имел пару раз отношения с ее бывшей одноклассницей-еврейкой, у которой и познакомился с Юрой. Наташина одноклассница в середине девяностых уехала в Израиль, получив журналистское образование в Екатеринбурге. Но она уже не имела никакого отношения к тому, что я оказался в его загородной квартире в комплексе у озера Сунукуль.

Юра занимался бизнесом, который шел настолько хорошо, насколько хорошо мне было в этот июльский день двух тысяча четвертого года.

Я приехал в Челябинск в конце мая из Самары, где оказался настолько же случайно, насколько случайно Юра уехал вчера в Челябинск. Ему было надо по работе. Был вопрос, который решить мог только он. И это несмотря на то, что уже давно были подчиненные, которые занимались всеми вопросами. Получив звонок, он какое-то время сомневался, оставлять меня или нет, но, все же, оставил. Причины его сомнений заключались в том, что он считал меня человеком склонным к злоупотреблению алкоголем, и не хотел, чтобы я, в его отсутствие, опозорил его перед соседями.

Я сказал, что не буду пить, так как компания Ларисы заменит мне водку, виски, вино и шампанское вместе взятые. Разве что с боярышником Лариса не сравнится. Юра рассмеялся этой немудреной как настойка чаги шутке и согласился меня оставить. Кроме его воспитанности, тут сыграло, уверен, роль и то, что боярышник в магазине комплекса не продавался. По крайней мере, он так сказал.

Лариса была редкой птицей. Редкость ее для меня заключалась в том, что она была замужем. Это меня немного напрягало. Но не в моральном плане, а скорее – ментальном. Не круги общества меня волновали, а круги ада, в данном случае – второй, для блудников и прелюбодеев.

Для меня, как минимум, с 21 октября 1991 года не было проблем с верой в загробную жизнь, как и вообще в потустороннее. А некоторые события в последующем лишь подтвердили то, что не нуждалось в подтверждении.

Муж Ларисы был в командировке. Она держала с ним связь по телефону.

Юра уехал, пообещав вернуться завтра. В принципе, это был очень хороший вариант. Можно было легко нарушить обещание, не выдав себя. В холодильнике стояла пара бутылок дорогой водки, с печатями какими-то, сертификатами. А в магазине внизу продавалась попроще. Вот ее можно было купить, чтобы не «палиться». Да и, в конце концов, боярышник тоже продавался. Когда мы ехали с Ларисой на такси (это несколько печальная часть из-за того, что пришлось потратить энную сумму денег), то я выходил у магазинчика в деревне. Там стоял боярышник. Впрочем, это разговоры в пользу бедных – никакого боярышника я покупать не собирался.

Но и водки не купил. Юра был ценителем чая, которого у него было сортов двадцать. Я откладывал покупку алкоголя.

Утром мы занимались любовью с Ларисой, потом позавтракали, сходили на озеро, где искупались. Вода, чистая, как первач, настоящий не слезах ребенка, смыла с меня последние

желания выпить. Мы вернулись в квартиру, где вновь разделись и легли в кровать. Но до этого я машинально включил телевизор, по которому показывали новости, а выключить забыл. И услышал:

– Генерал-лейтенант Лукашенко встретился с президентом России Владимиром Путиным...

«Знакомая фамилия», подумал я и повернулся посмотреть на экран. Лариса, в свою очередь, повернулась, чтобы удивленно посмотреть на меня.

«Да, а ведь это его отец», понял я, вглядываясь в лицо человека в форме. Генерал-лейтенант относился к какому-то ведомству, две начальные буквы которого были «ФС». Остальные я не расслышал.

«Что ж», подумал я, «если бы я убил Толю – это, конечно, был бы очень громкий пи-ар ход для меня, как для писателя, да и на „зоне“ прогремело бы, но только не выжил бы я. Да и вообще не факт, что доехал бы до „зоны“. Был бы трупом уже».

– Там интересное что-то показывают? – иронично спросила Лариса.

– Да как сказать...

Мне захотелось рассказать эту историю. Вообще, Лариса уже знала кое-что обо мне. Про артистку Гуркову, например. Про наши недолгие с ней, точнее, отношения. И про то, что я хочу написать книгу под названием «Доброволец безумия». Лариса была медиком по образованию и работала в профильной организации.

– Безумие не может быть добровольным, – сказала она.

– Гете написал, что может, – ответил я. – «Пьянство – добровольное безумие».

Но надо отдать себе должное, я пропускал особо яркие истории, связанные с алкоголем. Не хотелось отталкивать от себя эту двадцативосьмилетнюю женщину. Двадцативосьмилетние женщины с медицинским образованием не переносят яркие истории с алкоголем на дух. Как дух святой не переносит герпес или грипп.

– Да как сказать, – повторил я и повернулся к ней. Истории историями, а секс по расписанию – у меня, все же, запланирована водка через полчаса! Ведь повод есть, а глотка у меня найдется.

Через час, подбадривая свой рассказ глотками водки, купленной внизу, я поведал ей историю резни на Рублевке.

– И что, ты собираешься это тоже написать в своего «Добровольца безумия»?

– Разумеется.

– С именами?!

– Конечно, без имен вся соль пропадает.

– Ты точно безумец, – покачала она головой. – А что с ними потом стало?

– Без понятия. С Бажовым мы виделись потом, выпили пару раз. Он, вообще-то, нормальный парень, толковый. Хотя бы потому, что смог в такой серьезный момент сообразить. Не каждый сохранит хладнокровие тогда, когда в его ногу ножом бьют прямо в артерию.

– Ты туда специально бил?

– Да, – сказал я.

– А остальные?

– Не знаю. Не интересовался. Да они тоже нормальные. Хорошие ребята.

– Хорошие?! – воскликнула Лариса. – Такие хорошие только в постели бывают...

«Что?», подумал я.

– ... когда лицом к стенке лежат. И молчат.

– Тебе видней, – согласился я.

– Да ну тебя. Я заметила, что ты всегда поступаешь так, чтобы не быть уверенным в завтрашнем дне.

– Это от дна зависит. У каждого подвала есть дно, которое для кого-то потолок. И оттуда всегда могут постучать. Не сегодня, так завтра.

– Ага. Тук-тук. Сиди, я сама открою. Ты точно безумец доброволь... добровольный безумец.

– Доброволец безумия, – поправил я.

– Пиши быстрее, пока жив.

– Да, согласен. Мертвому мне не до писанины будет. А то так буду откладывать в долгий ящик и в него же и сыграю.

– Аминь, – сказала она неожиданно.

Не дурра ли?

ТРИНАДЦАТЬ С ПОЛОВИНОЙ БЕСОВ И ОДИН ЧЕРТ

БЕС СЛУХА

На мой взгляд, самым лучшим слухом был, несомненно, тот слух начала или даже середины восьмидесятых, в котором утверждалось, что Валентина Леонтьева, добрая, мягкая женщина с хорошей улыбкой, ведущая в то время программу для детей «В гостях у сказки», и «От всей души», оказалась японской шпионкой. Утверждалось, что когда ее пришли брать люди из КГБ, то она, не желая сдаваться, выбросилась из окна. То, что ее достаточно долгое время не было видно на телеэкране, придавало слуху абсолютную достоверность.

Чуть похуже слух был у моего дяди Ильи, поэтому приходилось кричать.

БЕС СТУКА

Я полностью согласен, что скорость стука выше скорости звука, но скорость света все равно больше и благороднее, чище как-то.

БЕС ПРАВИЛ

Вероятно, все же он, если учесть, куда умчалась гоголевская птица-тройка.

БЕС ГОЛОВЫ

Это была то ли весна, то ли осень – я сразу забывал название сезона, выглядывая в окно. Так как за окном, по всем признакам, было лето. И так продолжалось три недели. Но в этот день резко похолодало и я, выходя на осеннюю улицу, накинул куртку. Я собирался поехать в Москву без определенной цели. Собственно, я так всегда ездил в Москву, справедливо полагая, что цель найдет меня сама. Правда, в этот раз путь был близким – из Красногорска Московской области.

На завтра я был приглашен в гости к писателю Юрию Малееву. Поэтому накануне прочитал его рассказ «Укради мою голову» и еще раз быстро просмотрел его роман «Следуны», который я, два раза ошибке, в разговоре с ним назвал «Сандуны».

Малеев очень ценил свой роман, в отличие от меня, считавшего, что наиболее больших высот (или низин, как сказали бы недоброжелатели писателя) он достиг в своих рассказах.

Откровенно говоря, я считал Малеева не просто выдающимся, а уникальным в своем роде писателем. Очень многие писали о «том», «ином», «другом», но никто не писал как Малеев. Потому что Малеев не писал о «том» или «ином». Он писал об «этом», обыденном, что окружает каждого человека каждый день. Но писал «оттуда».

Я позвонил ему пару недель назад, и в результате нашего короткого разговора, он неожиданно пригласил меня в гости.

Но сегодня у меня было время, и я поехал прогуляться. Доехал на электричке до Тушино, сел в метро, вышел на Чистых прудах. Литровая фляга с водкой была при мне с Красногорска. Точнее, там был херес, разбавленный спиртом – оригинальный коктейль собственного изобретения. В другом кармане куртки лежала книга с моими стихами.

Я пошел на Мясницкую. Встретился там с Пушкиным. Мы поговорили с ним немного, после чего раскланялись. Иван Пушкин – знакомый журналист, пошел в одну сторону, а я было на все четыре, так как коктейль начал действовать весьма энергично, но вспомнил, что особо гулять не стоит – завтра к Малееву.

Сторон, все же, в этот день оказалось, если не четыре, то две – пусть не света, но медали. На одной было четко изображен мой целеустремленный профиль, направленный в сторону

Красногорска, на второй – совсем другого человека, нетрезвого, привыкшего подкидывать монету, надеясь, что вместо орла или решки выпадет джек-пот. Но он не выпал и к станции «Тушино» я подъехал пьяным и опустошенным – не душевно, а карманно.

Решив напоследок зайти в летнее кафе, которое дорабатывало последние дни, я познакомился с очаровательной блондинкой-барвуменшей. Она налила мне водки в пластиковый стакан и дала тарелку с чебуреком.

Я сел за один из столиков. Кафе в этот уже поздний вечер было заполнено почти полностью. Моим соседом оказался мужчина только что вышедший из мест заключения. Звали его Сергей. Был он без денег. Вскоре мы стали пить и разговаривать. В кафе стоял гвалт, звучала музыка. Все это сдабривалось звуком проезжающих мимо автомобилей. Станция метро была через дорогу. Если пересечь ее и пойти налево, перейти железнодорожные пути, свернуть на тропинку, которая извилисто шла на запад через небольшую низину, то минут через двадцать можно было дойти до знакомого художника. Звали его Миша. Я смутно помнил, что познакомил меня с ним художник Бурдачев, участник знаменитой бульдозерной выставки времен Брежнева и покоренья Ангары. Кажется, Миша тоже принимал в ней участие.

Я начинал задумываться, а не стоит ли мне пойти к нему?

Однако голос моего случайного визави вывел меня из задумчивости.

– Вот забрал сыну подарок, – сказал он, вытаскивая из кармана небольшую черную коробку.

Он открыл ее и достал из глубины красного бархата несколько фигурок. Это были игрушечные солдатики кавалеристы.

– Гусары вот, драгуны, кирасиры. Легкая, средняя и тяжелая кавалерия, – сказал он. – Целый отряд смешанный. И кавалерия США есть времен гражданской войны. И конфедераты. И буденовцы.

– Сам делал? – спросил я.

– Нет, не сам. По заказу там, на «зоне» изготовил один умелец. Я ему чай там, сигареты, прочие «понты». Тут бы дороже обошлось, – сказал он.

– А сколько ты, говоришь, отбывал?

Он посмотрел на меня взглядом, в котором чувствовалось напряжение. И я не мог понять его причину.

– Сколько раз, что ли? – переспросил он меня.

– Да нет, по времени.

– По времени... – почему то усмехнулся Сергей и продолжил – Пять лет последний раз. У меня две «ходки» было.

Я повертел в руках одного из кавалеристов. Это был казак. Работа была четкой – «газыри» на груди, папаха, бурка, шашка в руке.

– Это дерево? – спросил я.

– Да. Покрашено, видишь? И лачком покрыта. Ручная работа. На воле такого не купишь.

– Это точно, – согласился я, вспомнив фразу: «Тяжелое детство – деревянные игрушки».

– Пойду куплю водки еще, – сказал я. В глазах Сергея мелькнуло удовлетворение.

За стойкой оказалась та же девушка.

– Здравствуйте еще раз, – сказал я. Мне однозначно нравилась эта стройная блондинка. – Мне в графин налейте полкило водки вот этой. И еще два чебурека. У меня для вас подарочек, кстати.

– Да? – с интересом посмотрела она на меня.

– Да, – я вытащил из кармана куртки сборник стихов. – Это вам. А ручка есть у вас, я подпишу?

– Так это ваши стихи? – с еще большим интересом спросила она, протягивая ручку....

Я подписал ей книгу, узнав, что ее зовут Маша и, вспомнив, что у Малеева есть хороший рассказ о русской девочке Маше. Маша действительно оказалась очень хорошей, сказав, что платить за водку и чебуреки не надо. Это ее ответный подарок. Из чего я заключил, что она или много зарабатывает в этом кафе, что было вполне вероятно, или она вообще одна из его владельцев, что тоже вполне могло быть. Кроме того, я записал телефон Маши, чтобы узнать ее мнение о моем творчестве.

Я вернулся к столу, обратив внимание на то, что за соседним сидели две разбитные подружки лет двадцати пяти. Одна — коротко стриженная брюнетка с неподвижным взглядом и тонкими перламутровыми губами была просто симпатична, другая, — с огненными волнистыми волосами и чувственным ртом, была не просто симпатична, но и весьма сексуальна.

– Черт! – выругался Сергей, выронив «казака». Он нагнулся его искать, а ко мне неожиданно подбежала та самая с огненными волосами.

– Можно вас пригласить? – весело спросила она.

Это кафе было не самое подходящее место для медленных танцев, но она пара уже кружилась недалеко от нас.

– Конечно, – сказал я.

Мы стали танцевать.

– Как тебя зовут? – спросил я, держа руки на ее восхитительной талии.

– Леда, – ответила она.

Я почувствовал себя Зевсом на расстоянии расстегнутой молнии от грешницы.

– Необычное имя.

– Да? Чего же вдруг? Мне всегда казалось – обычное, – удивилась она. И тут я понял, что она Лида, а не Леда.

– Лидия, – сказал я, – я твой Крез.

– Кто? – переспросила она.

– Была такая страна Лидия. А в ней был царь – Крез. Он был очень богат. Я сейчас пишу статью об этом для журнала, – соврал я.

Она посмотрела на меня обещающим взглядом.

Я пригласил Лидию и ее подругу к нашему столу.

– Хтось, подъем! – Лида позвала заскучавшую брюнетку и, не успев удивиться, я понял, что ее зовут Тоня, но шутить по этому поводу не стал.

– Так и не нашел, – сказал огорченно Сергей.

Девушки пересаживались к нам. Я помог отодвинуть стул. И увидел фигурку. Поднял ее и обнаружил, что у всадника нет головы. Протянул Сергею.

– Постой-ка, – сказал я Тоне.

И подобрал голову всадника, лежавшую рядом с ее каблуком.

– Да положи все обратно в коробку, – сказал я Сергею. – А голову можно приклеить потом. Домой придешь и приклеишь.

Лицо Сергея выражало досаду.

– Подожди, – сказал я.

И пошел к стойке.

– Маша, у вас есть суперклей? – спросил я.

– Зачем вам? – удивилась она. На ее лице уже не было прежней доброжелательности. Видимо, Лида и Тоня ей не понравились.

– Да нам водки не хватило, мы клей решили понюхать, – ответил я серьезно, но, увидев ее выражение лица, рассмеялся. – Да просто срочно игрушку починить надо, это мужчине, моему соседу, надо, чтобы ребенку подарить, – сказал я, борясь с желанием произнести: «Да и девчонок склеить хотим».

Суперклею у Маши оказался. Сергей запротестовал было, сказав, что надо обезжирить вначале, но я переубедил его. Смочил салфетку в водке, провел по шее «казака», капнул чуть позже суперклеюем и прижал так сильно, как мог.

– Ну вот, – я поставил фигурку на стол. – Как новенький. Любо?

– Пойдет, – одобрительно кивнул Сергей.

Я познакомил девушек с Сергеем. Мы стали выпивать и разговаривать. Никаких сомнений не было, что сегодняшнюю ночь я проведу очень хорошо

– Раскопали могилу Гоголя, а там головы нет, – сказал я минут через пять, так как мы говорили про «казака», которого я только что починил, и разговор этот вывел нас на тему писателя-мистика.

– Да ну? – удивился Сергей.

– Да. Непонятно, куда девалась.

Сергей не был прирожденным уголовником. Первый срок, по его словам, он вообще получил из-за того, что его половинка оказалась, условно говоря, чьей-то четвертинкой.

– Связалась с «козлом» одним, – сказал хмуро Сергей.

Вот ему-то он и обломал рога. Да так, что у того череп треснул.

Сергей рассказал до этого, что только-только устроился работать на какой-то конюшне. Кажется, землекопом. Вероятно, землекопом работал и его знакомый, который подошел к нам. В отличие от Сергея, во взгляде которого читалось мужественность, несмотря на явно испытываемую им легкую неловкость из-за отсутствия денег, его знакомый выглядел помято и неуверенно. Однако было видно, что они были рады видеть друг друга. К тому же, знакомый, чьи руки были нечисты, в прямом смысле, словно он только что копал могилу, купил еще один графин и закуску.

Машу за стойкой бара я уже не видел. Лида за что-то ударила Тоню. Та заплакала, но быстро успокоилась. Я подумал, что надо взять телефон у Лиды и уехать. Или забрать ее с собой. Или пойти вначале за кафе с ней и вступить в связь. Почему бы и нет? Кафе закрывалось, знакомый Сергея, предложил перейти в другое, круглосуточное, через дорогу. Мы встали и пошли.

Оно оказалось пустым, если не считать девушки за стойкой – неудачной копией Маши, двух уставших охранников и здорового пьяного парня, который шатался от своего пустого столика до стойки и обратно. Складывалось впечатление, что он хотел выпить, но у него не было денег.

Мы сели. Но тут выяснилось, что у нас денег тоже почти нет. Я решил брать Лиду и ехать, но вначале немного «накатить». Завязался какой-то разговор ни о чем, но веселый.

Неожиданно шатавшийся парень подошел к нам. И размашисто ударил знакомого Сергея по лицу, так что тот упал на пол. В кафе воцарилась тяжелая тишина.

Я был уверен, что Сергей заступится за своего опешившего приятеля, но он молчал.

– У тебя руки грязные, – объяснил свой поступок парень. – Нельзя за столом с такими руками сидеть. Иди, вымой руки в туалете.

Приятель Сергея покорно кивнул, поднялся и пошел мыть руки.

Настроение у меня от таких событий не улучшилось. Все же, мы вновь вернулись к разговору и выпивке – «шатун» ушел на улицу – но сидели уже не так ладно.

И тут вернулся «шатун». Я старался не обращать внимания на него, но он сам сделал все возможное для этого – когда я забыл о нем, подошел ко мне откуда-то сзади и, внезапно выскочив, ударил в лицо.

Это был удар несильный, просто обозначающий.

Я, не вставая, быстро ударил его снизу вверх в подбородок. Его тело сделало несколько шагов назад и застыло в недоумении. Я схватил стул и, с бранными словами, занес его над ним.

– Стой! Стой! – закричали очнувшиеся охранники, с опаской бросаясь между мною и ним. – Стой, не бей! Все нормально! Федя, все нормально?!

Они стали успокаивать «шатуна», которому кто-то при рождении дал кличку «Федя», а затем вывели его на улицу.

Я сел и залпом допил водку, пользуясь своим правом сильного.

Девушки, особенно Лида, смотрели на меня восхищенно.

– Мы от тебя такого не ожидали, – сказала она, глядя на меня широко открытыми глазами, Тоня при этом загадочно улыбнулась и положила ладонь на мою руку.

Я вдруг почувствовал разочарование, скуку и желание оставить их всех. К тому же, водки было больше не купить, да и смысла в этом не было.

Я еще оставался вместе со всеми полчаса. Один раз перекрестился, вспомнив о Боге. Тут же ко мне подошел «шатун» и спросил – ты верующий? Да, ответил я. Он подумал и отошел.

Я вышел покурить. Рядом встали курить Сергей и «шатун», который говорил ему, что уважает его. Я докурил, щелчком выкинул окурочек и, не прощаясь, пошел в сторону станции метро, которая оказалась закрытой. Тогда я спустился вниз, железнодорожными путями, собираясь пойти к Мише-художнику – всего-то пройти в низину, а потом минут двадцать по дороге. Но передумал.

И просто лег на землю, чувствуя, что устал. Земля была сырой, мягкой и гостеприимной. Ночь, если и была прохладной, то, благодаря алкоголю, казалась приемлемо-теплой.

Я сразу заснул, но вскоре проснулся от какого-то шума. Из туманной низины раздавался топот и цоканье. Я понял, что уже раннее утро и из конноспортивного комплекса, который, наверное, был недалеко, ведут коней – скорее всего, на водопой. Я встал и застыл от удивления... Никогда еще не видел такого зрелища. Из тумана вышли белые кони, они были оседланы, ими управляли разноцветные молчаливые всадники. Вот они перешли железнодорожное полотно, приближаясь ко мне. Один из них в бурке и с шашкой в руке, но без головы, теперь я понял, что это писатель Малеев, подъехал ко мне совсем близко и, наклонившись, утробно прорычал:

– Верни мою голову!

Я инстинктивно замахал руками... и тут же проснулся по-настоящему.

Я лежал недалеко от путей. За ночь выпал снег, покрывший белым саваном все вокруг, кроме редких луж, черневших как входные отверстия в иной мир. Я встал, и отряхнулся, почувствовав, как сильно продрог, поежился и сунул руки в карманы. В одном из них было что-то маленькое. Я вытащил из кармана голову казака. Ту самую, что приклеивал. Повертев немного в руках, я без сожаления выбросил ее в лужу.

Мимо проходили редкие люди, торопясь на станцию «Тушино». Сзади промчался поезд, пролаяла собака, и раздался крик новорожденного ребенка.

Я пошел вперед, не оглядываясь.

БЕС ПОЭЗИИ

Архилох ходил угрюмо

Ксанфа понимая тупо,

Родину и Ксанфа проклиная,

Он не знал, что ходят где-то персы.

Стратилох, не чутко понимая,

Тризну вдруг решил отправить.

Иногда на время поднимая

Хай.

БЕС АРХИЛОХА

В конце девяностых – начале нулевых я любил посещать поэтические салоны Алены Ахуновская. Сама поэтесса, несмотря на свой молодой возраст, прелестный вид, внешнюю интеллигентность и мягкость, которые лишь иногда разбавлял огонь Саломеи в карих глазах, вырывавшийся в секунды раздражения, была стреляным воробьем. Никто бы никогда не подумал, что за ее плечами годы, проведенные в Бутырке, куда она попала из-за козней своих врагов, настолько же влиятельных, насколько коварных и жестоких. Официально же ее обвинили в торговле наркотиками. Ха-ха-ха!!!!!! Кто же в это поверит!??

Алена владела четырехкомнатной квартирой на северо-востоке Москвы. Ходили смутные слухи о том, каким образом Алена стала ее обладательницей. Говорили о странных и быстрых кончинах ее родственников, проживавших в ней ранее. Считалось, что сама Алена не выносила этих слухов, но один из ее опальных, близких друзей, которых она меняла чаще, чем сантехник перчатки, сказал мне как-то, что именно она их и выносит тем или иным способом на суд широкой публики. Так или иначе, в литературных кругах Москвы быть принятым в салон Алены Ахуновской считалось очень престижным. Я оказался в нем случайно. Меня привел туда поэт и корректор издательства «Э-ма» Олег Петров-Петров, который, в свою очередь, был знаком с Аленой через своего знакомого, некоего К.К., не просто поэта, а однажды даже выдвигенца на Нобелевскую премию. Короче, не хухры-мухры.

Квартира Алены Ахуновской, и это признавали все, была обставлена скорее как у цыганского наркобарона, нежели как у российской поэзобаронессы, но, разумеется, с несравненно большим вкусом.

В тот день, когда я взял с собой своих старых знакомых Максима Белокопытова и Семена Быстрякова, в салоне Ахуновской проходил семинар «Искусство и тоталитаризм», на который были приглашены, среди прочих, представители пары влиятельных организаций.

Нас сразу встретили плакаты в советском стиле. На одном из них было написано:

«Дьявол такт мне отбивает,
он смычок мой направляет.

Карл Маркс».

На другом:

«Рядом с фиалкой – сестрой алая роза раскрылась,
Лилия тоже проснулась и ветерку поклонилась.

Иосиф Сталин».

На третьем:

«Дай мне шанс, о, Спаситель,
На этой заре бросить бомбу свою
Вон в того одинокого человека.

Радован Караджич».

Кроме этих плакатов были и другие. Я заметил стихи Мао, Яндарбиева, Маринетти, еще кое-кого. Висела репродукция картины Гитлера «Раздражение, вызванное в шесть часов утра работающим под окном двигателем мотоцикла». Кажется, она так называется.

Честно говоря, у меня вызвало вопрос нахождение стихов Караджича рядом со стихами Сталина и картиной Гитлера, но я не задал его. Хватит и того, что я привел в салон для избранных двух людей, в которых не был полностью уверен. Но уж очень они просили, и я согласился. Провел Быстрякова и Белокопытова в большую комнату, где уже расположилось порядка тридцати человек. Масштаб комнаты позволял вполне спокойно пережить такое количество людей. Масштаб личностей, на мой взгляд, в комнате был разным, от звезд, залетевших на огонек, до пришедших со мной хухры-мухрышек.

Среди хороших знакомых на семинаре оказались Роман Румянцев с девушкой, Олег Петров-Петров, барабанщица групп «Накал факела» и «Злые доты» Мария «Моревна» Лучникова,

модный писатель П. Левин, чуть менее модный, но многообещающий Сергей Сурганов, непонятный деятель то ли контркультуры, то ли незаконного оборота наркотиков А.Г., известный среди друзей, как Г.А., молодой артист Елифанов, и некоторые другие невысокопоставленные лица.

Быстряков и Белокопытов вначале явно чувствовали себя немного не в своей тарелке, но потом, видя, что никто не собирается пережевывать их непрезентабельный видок, перестали переживать. Но начал я. И не зря.

Во-первых, Быстрякова чуть было не побил один из радикальных поэтов, вначале решивший, что Быстряков «голубой», а затем, что тот к нему пристаёт. Поэт этот всегда не дружил со своей бритой башкой, поэтому было странно видеть его вообще в этом месте и среди этих людей. Но и сам Быстряков постарался, чтобы о нем так подумали, прочитав стихотворение собственного сочинения:

Лежишь передо мною, юн и чист,
Трепещешь перед входом, мой малыш,
В фантазий мир, и ты пока молчишь.
Лежа передо мною, белый лист.

А во-вторых, Белокопытов все-таки отыскал где-то водки и нажрался вусмерть. Ахуновская была в гневе. Мне было неприятно. Даже неудобно. Если бы я имел возможности Сталина, то расстрелял бы и того, и другого. А Ахуновскую наградил бы премией имени Ленинского комсомола.

Но возможностей Сталина у меня тогда не было, поэтому я просто и легко испортил с ними отношения, а с Аленой еще сильнее подружился.

Кстати, возможностей Сталина у меня нет до сих пор, зато чувство, которое испытывал Гитлер к евреям и мотоциклистам, а не велосипедистам, как принято считать недалекими гитлероведами, я испытываю постоянно.

БЕС ВЛИЯНИЯ

Многие мои знакомые бросили пить, увидев меня однажды пьяным. Денег с них я за это не брал, мне вполне хватало человеческой благодарности их родных. Один – артист Я. – даже бросил курить и по-своему отблагодарил – передал мне восемь пачек уже ненужного ему «Беломора», которые я отдал Быстрякову.

БЕС ДОЛЛАРОВ

Если бы за каждое предложение жениться, которое мне делали, я брал с девушек по доллару, то к 2001 году определенно точно накопил бы пятнадцать американских рублей. И не стал бы задумываться – покупать картридж для принтера, на котором я собирался распечатать свой стихотворный сборник, чтобы показать его екатеринбургскому издателю Игорю Поильцеву, которому, по словам его друга Анатолия Гришина, известного и уважаемого многими человека, понравились мои стихи, или нет. А так как пришлось задуматься, то в тот день я был трезв, потому что купил картридж.

Правда, поздним вечером неожиданно-негаданно позвонил артист, журналист, писатель и художник Я., приехавший со съемок в Питере. Я. сказал, что едет ко мне, и я все равно выпил с Я.

БЕС МУЛЬТУРКУЛЬТУРНОСТИ И ШМОЛЕРАНТНОСТИ

Дело было средней осенью ноль второго года. Дела шли ни шатко, ни валко. Я поехал к Быстрякову. Хотелось выпить.

То, что я решил выпить у него, было настолько совершенно случайно, что более совершенной – а именно, божественной – случайностью можно назвать только мое рождение. Я

Рядом с кроватью стояла тумбочка, а ней – будильник. Большой, большей частью – металлический. Хороший.

Я взял его в руку и осторожно выглянул из-за шкафа. Быстрыков, выпучив глаза, прыгал на одной ноге. Указательный палец его левой руки был прижат к голове, где-то в области виска, видимо, указывая на что-то. Увидев меня, он закричал:

– Он у меня здесь!!! Он у меня здесь!!! Он у меня в голове!!!

Кто? Дьявол? Пришелец? Тротил? Близнец-паразит? План по захвату вселенной?

Это уже было не важно, мои подозрения переросли в уверенность – Быстрыков представляет серьезную опасность. Я уже стал примериваться, как удобнее ударить, но тут Быстрыков проорал еще одну фразу, которая спасла его череп:

– У меня таракан в голове!

Конечно, у каждого свои тараканы. Я знал, что у Быстрыкова они есть. Но не знал, что один и что он причиняет такую боль. И вот, теперь Быстрыков решил поделиться ею со мной.

– Аааааааа! – опять закричал он, прыгая на ноге. – Он только что во сне залез! Звони в «скорую»!

Это было здравое предложение. Я позвонил, но «скорая» не поехала на вызов. Когда узнали, в чем дело, посоветовали поехать в Боткинскую больницу. Там, дескать, врачи вытащат таракана из ушной раковины. Услышав это, ошалевший от боли Быстрыков, потребовал, чтобы я звонил в мэрию. Увидев мое замешательство, он, продолжая держать палец в ухе, сам начал звонить. И именно в мэрию. Дозвонившись, стал требовать, чтобы к нему на дом приехала скорая помощь, так как он москвич и знает свои права. К моему удивлению, с ним еще и разговаривали. Как и в прокуратуре, куда он тоже дозвонился, а также в организации «Мемориал». Но помочь ничем не могли.

– Ничего нельзя добиться в этой гребаной стране, все еще живем при «совке»! – со злостью произнес Быстрыков, продолжая удерживать таракана пальцем, и держа голову набок, так боль была терпимой. – Поехали в больницу.

Я потом год хохотал, вспоминая эту историю. И со мной хохотали, надо признать, все знакомые Быстрыкова, хоть я ему и поклялся, что не буду ее рассказывать. Но я в этот момент, когда клялся, держал скрещенными пальцы, а так – не считается.

Самое смешное, что в больницу мы приехали, как оказалось, только для того, чтобы получить добрый совет. Доктор сказал, что не будет доставать таракана, так как избавиться от него может сам больной. Надо просто залить в ухо подсолнечное масло. Так Быстрыков и поступил, вернувшись домой. Он долго пытался вытряхнуть насекомое, но ничего не получилось. Потом один из его знакомых, когда был сердит на Быстрыкова, называл его «тараканьим погостом».

На этот раз мы сели за стол вчетвером. Быстрыков, Белокопытов, Я. и я.

Оказалось, что будущая сериальная работа Я. связана с английским языком, которым он владел на уровне советской школьной программы. То есть, мог сказать «ай эм ит из борис стогофф». Этого словарного запаса вполне хватило бы, чтобы сдать в плен, но для сериала казалось недостаточным.

Во время задушевного, точнее – закадычного, распития водки, Я. спросил, не могу ли я как-нибудь немного позаниматься с ним английским. Я сказал, что могу.

К пятой где-то кружке водки задушевность ушла, не мягко покачивая бедрами, исходя из своего женского рода, а жестко – пустыми ведрами, и указав путь к неудаче дальнейшего застолья. Разговор неожиданно стал приобретать откровенно ксенофобский, ужасающий характер. И виноваты в этом, конечно, были евреи.

Дело в том, что Я., по словам Белокопытова и Быстрыкова, был учеником московского поэта Юрия Блудова. Сам Блудов, опять же по их словам, считал своим учеником Осипа Влодского, нобелевского лауреата, который, по его – Влодского – словам, считал своим учителем Евгения Шпрее, ленинградского поэта.

Быстрякова и, в особенности, Белокопытова, восхищал прагматизм Блудова, который уже в солидном возрасте сознательно женился на валютной проститутке. Сам же продолжал писать антисоветские и сионистские стихи, из-за которых когда-то не смог пробиться к совпосовской кормушке. После женитьбы же он делал это, лежа на диване, в ожидании, когда супруга придет с хорошо оплачиваемой работы. Быстряков рассказал также, что Блудов приходился родственником Япончику. Но не Вячеслава Кирилловичу, а некоему Мишке. Они рассказали мне несколько невероятных, на их взгляд, историй о Блудове, но меня заинтересовала только одна – про жену-проститутку. Я как-то спросил об этом Я., который провел с Блудовым времени больше, чем остальные двое, вместе взятые. Я. пожал плечами и сказал, что это ложь. Но сказал как-то неуверенно. Или просто мне, романтику, хотелось верить в эту красивую сказку. Конечно: такая женщина – это мечта поэта, который может полностью отдаться чудному миру написания стихов, не обращая внимания на грязь повседневного быта.

Блудов, понятное дело, был еврей. Но не строго говоря. Строго говоря, он был русский. Это – смотря с какой стороны посмотреть. С этим все понятно. Непонятно было, каким образом разговор о Блудове перешел не на антисемитские рельсы, а, так сказать, на запоздалые шпалы и костыли антипольских настроений. Поляки – это ведь самые наипоследнейшие люди на земле, из списка самых наипоследнейших людей, к которым русские могут иметь какие-то неприязненные отношения. Поезд давно ушел, события двенадцатого года семнадцатого века, когда поляки занимали палаты московского Кремля и настолько не хотели оттуда уходить, что стали там ненцами, если говорить современно и политкорректно, а если говорить так, как говорили в семнадцатом веке – самоедами. Ведь им пришлось есть своих мертвых товарищей – так не хотели уходить они из окруженного Кремля. Словно им медом этих товарищей намазали.

Собственно говоря, резкий разговор за столом носил не антипольский характер, несмотря на тот момент польскую фамилию обсуждаемого, а античеловеческий. Человек этот был знакомым всех троих. Когда-то даже другом для Быстрякова и Белокопытова. Я. его тоже хорошо знал, в отличие от меня. Звали человека Александр. С конца восьмидесятых он пытался пробиться как исполнитель «русского шансона» собственного сочинения, который представлял собой интересную смесь одесского дореволюционного «блатнячка» и призыва покаяться русскому народу за царя. Песню со словами: «Без покаяния нам, люди, не прожить, пока по капле мы не выдавим раба, нам будет трудно чем-то дорожить, пылится времени далекого арба», сменяла другая: «Шнеерзон мой лучший друг, Рабинович – тоже, «марафет» возьмем с собой, в постель подруг положим». Первая пелась мужественным голосом с хрипотцой и сдержанным достоинством, вторая – как-то глумливо и с сильным акцентом, казалось, что вот-вот и арго перейдет в жаргон. Фамилия у него была совсем неподходящая для «шансона» – Заглотов. Он взял сценический псевдоним Плотник. На вопрос «почему Плотник», отвечал, что отец Иисуса был плотником. Когда Белокопытов, улыбаясь, сказал ему, что он слегка ошибается, пояснив свою мысль, Александр сильно обиделся. С течением времени они стали общаться все реже и реже. Белокопытов говорил мне, что термин «русский шансон» придумал именно Заглотов. Но Белокопытов много чего говорил. Заглотов ушел в рекламу, не брезговал проведением корпоративных вечеринок, потом стал сотрудничать с какими-то СМИ, потом вообще сменил фамилию. И стал Александром Глотником.

Я. считал, что это прозвище, ставшее фамилией, дал ему эрудит Блудов из-за того, что слово «глотник» означало крикливого, шумного человека, а также, что важнее – советского провинциала, приехавшего в Москву за покупками. А Глотник был приезжим. Как Быстряков, Белокопытов и Я. и я, кстати, тоже. Но я – постсоветским, что давало мне моральное право себя «глотником» не называть. Причем, Глотник был тоже из Челябинска, как я, Быстряков и Белокопытов. Поэтому-то я и знал этих людей. Я. знал Блудова, Блудов знал Быстрякова и Белокопытова. Шесть ненужных рукопожатий.

– Я и не догадывался, какой он «гондон»! – горячился Быстряков по поводу Глотника, которого он, называл теперь не иначе, как Саша Скотник. – Он ведь понимал прекрасно, что я голодный сижу, говорил мне, что у него денег нет, жил у меня, а сам ходил есть в кафе напротив.

Случай этот произошел очень давно, когда Глотник был прописан еще в Подмосковье, но однажды, по каким-то причинам, поселился к Быстрякову на несколько месяцев. Вспомнил же Быстряков этот случай из-за того, что Глотник недавно появился у него и взял на продажу какому-то коллекционеру небывалой ценности самовар, который Быстряков нашел на московской помойке. Судя по тому, как Быстряков говорил о самоваре, тот был, если не золотой, то позолоченный. Быстряков любил ходить по помойкам. Он ездил на мусорные полигоны за городом и всегда возвращался с добычей. Но еду оттуда не привозил – это я знал точно, так как дважды заставлял его возвращающимся с полигонов. Когда он приезжал, у него были с собой редкие книги, патефоны, даже деньги – старые и современные – те же самовары, зеркала, один раз даже человек (неживой), совершенно «мертвый» револьвер системы «Лефоше», несколько приличных ковров, донельзя рукопожатный кистевой эспандер фирмы «Зандер», столик и многое-многое другое. И никогда – «просрочку», несмотря на то, что постоянно голодал из-за того, что нигде не работал. Я все ожидал, что он съест мертвеца, которого притащил с помойки – заспиртованного младенца-урода – а спирт выпьет, но этого не произошло. Может быть, потому, что в банке был формалин, а не спирт. Банка эта стояла у него на старинном комодe у стены и радовала глаз каждого, кто заходил в комнату.

Глотник увез самовар и пропал. У Быстрякова стоимость самовара, в процессе его рассказа, росла неимоверно и уже достигла небывалой суммы.

– Сейчас такой самовар стоит триста долларов! – попыхивая «беломором», сказал он вальяжно.

– Так ты позвони ему, – посоветовал Я.

– Звонил, – Быстряков потушил папиросу, – сказали, уехал на корпоративный вечер. К евреям, бля, каким-то, поляк фальшивый!

И вот это его последнее замечание было произнесено как-то особенно жестко и неприязненно. И неуместно. Тем более, что Быстряков, Белокопытов и, уж конечно, Я. антисемитами не были. Это выглядело неприлично, так, будто на собрании людей, страдающих жестоким запором, кто-то пукнул.

– Давайте еще по одной, – предложил я, разливая по шестому разу, понимая, что нам не хватит водки. Я. уже перестал пить, несмотря на ненастойчивые уговоры, но это мало утешало. И без начального участия Я. в распитии было понятно, что двух бутылок не хватит. Но начали, как всегда, с минимума.

Когда Белокопытов услышал «поляк фальшивый», его торчащие в стороны рыжие усы, недоуменно задрожали – это Белокопытов задвигал ртом из стороны в сторону. Он выпил, а потом спросил Быстрякова:

– Почему «поляк фальшивый»?

Все, кто был знаком с Белокопытовым, знали, что он потомок польских аристократов Потоцких. Я предполагал, что эту легенду он придумал в конце семидесятых, когда в семнадцать лет приехал в Москву. Но, надо признать, легенде он держался стойко – никакой «полиграф» его бы не вывел на чистую воду. Он уже сам давно верил в то, во что говорил. И помогала ему в этом его тайна, о которой никто из его друзей не знал. Он был шизофреник. Из-за этого его не взяли в армию, хотя иногда он туманно рассказывал о каком-то диссидентском прошлом. До знакомства со мной он пробовал туманно рассказывать о своем тюремном прошлом, которое ясно-понятно вытекало из прошлого диссидентского, но перестал, когда «спался» на первом же вопросе Я.:

– А во сколько в тюрьме подъем? – спросил Я., никогда до этого не говоривший Белокопытову, что он отбывал.

– Подъем? – переспросил Белокопытов, всегда так делавший, когда точный ответ ему был неизвестен. – В восемь.

Я. указал ему на ошибку. Белокопытов больше никогда не говорил никому о своем тюремном прошлом. И это было понятно. Разбирающихся в тюремном распорядке в России немного больше, чем в польской, допустим, геральдике.

В ней даже поэтесса, кумир шестидесятых, Гелла Губайдулина не очень разбиралась, в отличие от стихов, как-то упомянув в одном из своих редких телевизионных интервью девяностых годов на канале «НТВ», что к ней в начале восьмидесятых приходил юноша, потомок князей Потоцких, и читал ей свои замечательные стихи. Белокопытов действительно рассказывал, как он приходил к Губайдулиной, но было это в конце восьмидесятых, когда ему было уже тридцать. То, что в интервью она называла его юношей, ему понравилось. Но то, что потомком князей Потоцких – тем более.

Выглядел Белокопытов не очень презентабельно: маленький, плешивый, с черными остатками зубов. Некоторые стихи у Белокопытова были почти гениальными, лучше, чем у Блудова, но сам он был абсолютно бесталанным человеком, чему, во многом, поспособствовала водка.

– Почему «поляк фальшивый»? – спросил Белокопытов у Быстрякова.

– Потому, что какой он поляк? Глотник этот, – как бы пояснил Быстряков. – Вот, тот, что с Тайсоном – поляк. А этот нет.

Никто, кроме меня не понял, о чем говорит Быстряков. А говорил он о боксере, которого примерно два года назад победил Майк Тайсон.

– Тот, кто с Тайсоном дрался – того Голота зовут. Анджей, кажется, – сказал я.

– Тайсон – сын галстука, что ли? – задумчиво спросил Я., продолжавший, видимо, даже во время застолья повторять в уме английские слова, которые должны были ему пригодиться во время съемок предполагаемого сериала.

Быстряков и Белокопытов недоуменно посмотрели на него.

И тут разговор соскользнул с неправильной ксенофобской дорожки и принял направление этимологическое, почти народное.

– Нет, «тай» тут по-другому пишется, – сказал я. – Вообще, у них есть слово «крэвэт» – это галстук значит. А у поляков есть «кроватька» – это тоже галстук...

Я увлекся. Остальные слушали меня из вежливости, причем Быстряков с некоторым отвращением. Но не долго. Причем, первым перебил меня самый спокойный и молчаливый – Я.

– Это зависит от культуры, – сказал я, имея в виду различия между британским и американским английским, и собираясь продолжить мысль.

– Культур-мультиур, понятно, – кивнул он.

– Культур, кстати, по-английски «калчэ», – заметил я не очень довольным голосом.

– А «мультиур»? – спросил он.

– Малчэ, – ответил я.

Он и Белокопытов рассмеялись. Быстряков вообще не понял, о чем идет речь. Впрочем, трудно было ждать этого от человека, который однажды сказал, читая выдержки из статей разных изданий, напечатанных на задней обложке какой-то книги, следующее:

– Книга заставляет задуматься над теми вопросами повседневной жизни, которые мы обычно предпочитаем не замечать, – прочитал он. Потом прочитал, что было написано по-русски под этой фразой:

– Ньюс Уик, – и пояснил, – это писатель такой американский.

Это было давно. Он видел меня тогда второй раз в жизни, хотел произвести впечатление. Произвел.

Я вспомнил эту историю, улыбнулся и тут же припомнил кое-что, связанное с журналом. Не «News week», а другом.

– Я в «Новом времени» прочитал, что Арлыка убили в январе, – сказал я.

– Да, убили, Роберта, – печально произнес Белокопытов. – А ты его знал, разве?

– Знал, конечно.

– А что написали про него? Прямо статью целую? – поинтересовался Я.

– Нет, не про него. Про фашизм в России, скинхедов, националистов.

– А Арлык тут причем? – удивился Я. – Он фашистом точно не был.

Я в некотором затруднении посмотрел на него, не понимая, это он так шутит или нет?

Роберт Арлык, по паспорту – Роберт Моисеевич Флянцевский, был человеком непростым. Почти сверхчеловеком. Доктор физико-математических наук, знавший пять языков, мастер спорта по гиревому спорту, каждый день пробегавший по восемь-десять километров, поэт – все это так, начало. Он был занесен в книгу рекордов Гиннеса, как человек пробежавший марафон спиной вперед. Это было во Франции, где французы ему даже вручили денежный приз, который сразу же отобрали, в виде штрафа за то, что подбили его пить на банкетном столе. Как русский человек, а строго говоря, он был русским, типа Блудова, Роберт Моисеевич не стал мелочиться и спокойно возвратил деньги наследникам Гобсека. Однажды он прошел пешком без связи с внешним миром двадцать тысяч километров через Сибирь. Именно прошел, через тайгу, по рекам, пользуясь картами-рисунами, составленными в восемнадцатом веке. Прошел пустыню Негев. Имел американскую судимость за то, что в нью-йоркской ночлежке избил трех негров, которые хотели его ограбить....

– Он-то фашистом не был, но в журнале написано было, как его убили, – ответил я.

– Как? – заинтересовались все.

– Какие-то фашиствующие подростки, подонки, избili его арматурами на подмосковной станции, приняв за нерусского, потому, что он был смуглым брюнетом.

Они переглянулись.

– Не был он смуглым, – сказал Быстряков.

– Все не так было, – сказал Я., – Арлык занял деньги знакомым бандитам под честное их слово. Двадцать тысяч долларов. Пришло время отдавать, а они отказались. Он решил с ними разобраться. А они просто подкараулили его во дворе и убили. Палкой задушили.

– Палкой? – не понял я черного юмора. На мгновение вспомнилась фраза из одной статьи, которую плохо отредактировали, про сумасшедшего, убившего свою жену и тещу, сняв с них скальпы: «Он снял с женщин скальпель и обвязался им вокруг шеи, как будто бусами».

– Вначале ударили сзади палкой по голове, а когда он упал, трое держали за руки, за ноги, а четвертый положил палку на горло и прилег массой тела.

– Так их поймали?

– Нет. Это мое предположение. Может, их вообще двое было, кто знает? Арлык просто говорил мне, что собирается потребовать долг по-мужски. Он что, думал, что они на поединок, что ли с ним выйдут? – усмехнулся Я.

– А тебя в милиции допрашивали?

– Зачем мне это надо? Чтобы меня палкой придушили? Спасибо, благодарствую. Я хотел было в газету предложить эту тему, но его мало кто знал, Арлыка.

Я. работал в крупном таблоиде.

Разговор продолжился, уйдя куда-то в сторону Армении. Алкоголь заканчивался.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.